

Анна Бойко

ВО СПАСЕНИЕ

Фантастический роман

Анна Бойко

Во спасение

«Издательские решения»

Бойко А.

Во спасение / А. Бойко — «Издательские решения»,

Случившаяся на Земле пандемия унесла жизни сотен тысяч людей.
Оставшимся в живых помогают пришельцы с Глории, планеты-близнеца.
Всякий знает, что глариане великодушны и оказывают помощь совершенно
бескорыстно... Но так ли это на самом деле? Варвара давно пытается
разобраться в существующем мироустройстве. Не все кажется ей логичным,
не все — правдивым. Только вот принесет ли счастье знание истины?

© Бойко А.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Юстина	6
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Во спасение
Фантастический роман
Анна Бойко

© Анна Бойко, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Юстина

Вторник, 12 сентября

1

В класс, не переставая общаться с кем-то в коридоре, боком вдвинулась увесистая туша директрисы. Сочувственно покивала невидимому собеседнику, поправила старомодные очки и повернулась к притихшему 8 «Б». Обвела учеников ледящим душой взглядом и громогласно объявила:

– Алевтина Марковна заболела, литературы не будет. Можете идти домой, только чтобы тихо мне!

Наивное требование. Сдержанно-ликующее улюлюканье приливной волной прокатилось по партам, зашаркали многочисленные подошвы, задвигались стулья. Через несколько секунд после того, как первый счастливчик покинул класс, из коридора послышался воинственный клич и глухой удар столкнувшихся в неравной схватке рюкзаков.

У выхода из школы Юстина остановилась в нерешительности. На предыдущем уроке ей влепили «пару» по физике и молчать о случившейся трагедии до самого вечера ох как не хотелось. Тем более, что двойка была обидная и несправедливая. Не за лень, а за хулиганство. Подумаешь, ужик... он же ручной, домашний и совсем не опасный. Да и притащила его вовсе не Юстина, а неугомонный Сашка. Просто в тот момент, когда училка повернулась от доски, встревоженное пресмыкающееся как раз пыталось скрыться под Юстиной партой. Кто же знал, что физичка ТАК боится змей!

«В одиночестве слоняться по городу тупо, Смехнянка и Шоста освободятся часа через полтора. Подходящий момент для покаяния?»

Пальцы сами собой пробежались по экранчику наладонника:

– Хола, мам. Можно к тебе заглянуть?

– Я что-то пропустила? Ты разве не должна быть в школе?

– Училка заболела.

– И тучное стадо диких обезьян вырвалось на свободу?

– Точно.

– Поздравляю.

– Так можно заскочить?

– А уроки?

– На завтра только геометрия, это полчаса от силы. Ну, пожалуйста, ма-ам!.. Я ненадолго. Только Смехнянку и Камилу дождусь. Мы собирались погулять, а уроки вечером. Чесслово.

– Меня могут вызвать на совещание в любую минуту.

– Тогда я исчезну. Сразу. Обещаю.

– Ладно, – мать сдалась с явной неохотой.

Почти не касаясь кроссовками истертой брусчатки, Юстина перебежала на другую сторону улицы, одним махом вспрыгнула на три ступени и с натугой потянула тяжелую дверь с овалом бронестекла по центру. Охрана в лице двух тощих парней из северной военной академии проводила ее безразличным взглядом – дочка архитекторши часто сюда наведывалась.

Юстина на автопилоте преодолела несколько пролетов мраморной, с вычурно-чугунными перилами лестницы, узкий темный коридор и приемную, и без стука вторглась в «святая

святых» – мамину мастерскую. Светлую, просторную, знакомую с детства, навсегда пропитанную особым запахом слежавшейся бумаги и мятного чая.

– Привет, – Юстина приземлилась на край стола и бесцеремонно заглянула в планшет.

– На столах не сидят, – привычно, не отвлекаясь от работы, заметила мать.

Юстина столь же привычно ее не услышала.

– Мам, а я сегодня «пару» схлопотала, представляешь?

Мать удивленно подняла голову, насмешливо сощурилась:

– Зачем?

– Не зачем, а за что. На физике, но за поведение.

– О! Проверяла на практике, справедлив ли закон Ньютона и угодила яблоком по чьей-то макушке?

– Хуже. Приютила под партой чужого ужа.

– Кошмар какой, – делано возмутилась мать и чуть слышно озабоченно добавила: – где же у нас вентиляция?..

Легко поднявшись, направилась к стеллажу у окна. На ходу взлохматила короткие темно-русые Юстины волосы. Как бы ненавязчиво посочувствовала.

От стеллажа обернулась:

– Когда бежишь к своим девчонкам?

– Через час.

– А пообедать? Хоть чаю выпей.

Внезапно она глянула за спину дочери и, будто под сильным ветром, качнулась назад. Вцепилась тонкими сильными пальцами в спинку кресла и застыла. Юстина изумленно обернулась. В мастерскую бесшумно просачивались сотрудники маминого отдела. Белоснежные шутовские шляпы и башмаки, какие-то дудочки, свистелки, губная гармошка и даже игрушечный барабан. Последний из просочившихся прикрыл за собой дверь, и грянула неблагозвучная импровизация. Вооруженные музыкальными инструментами старались шуметь как можно громче, остальные нестройным хором скандировали:

– Вар-ва-ра, поз-драв-ля-ем!

– Да, спасибо, – напряженным голосом отозвалась мать.

– Варечка, ты даже не спросишь, с чем? – взяла на себя инициативу секретарь Майя.

Юстине стало интересно. «Премия? Повышение по службе? Нет, об этом мама бы знала. Окончание строительства? Это и так известно».

– Я догадываюсь.

– Только что принято окончательное решение...

– Да-да, спасибо, понятно.

– ...тебе в награду выделена лучшая квартира в зиккурате!

Кто-то из присутствующих махнул рукой и на стеновой панели возник тот самый зиккурат, над проектом которого мама билась уже не первый год. Мрачно-угрожающая ступенчатая пирамида на склоне холма, в окружении дремучей чащобы. Какой-то сверхсложный правительственный объект. Жилой дом, офис, бассейн, зал заседаний, санаторий, сады и парки... много накручено. Даже Портал недавно перевезли именно туда.

Выразительно-подвижная стрелочка ткнулась в самый верх, почти в острие зиккурата. Там, на предпоследнем этаже, размещались элитные апартаменты. Мама особенно долго с ними возилась. Нашпигованные электроникой пол, стены и потолок, какие-то скрытые функции, потайные проходы и каналы.

«Квартира? Там?! Что бы это значило? Простому архитектору и его семье там не место!».

– Вот твои бессонные ночи и окупилась, правда? – снизу вверх заглядывала матери в лицо одна из чертежниц, Алла.

Мать натянуто улыбнулась.

– Варюш, проставляться-то будешь по такому случаю?..
– Обязательно, обязательно. После обеда милости прошу сюда... или лучше в переговорную?

Наконец шумная толпа вывалилась в коридор.

– Вот оно как, – с непонятым выражением протянула мать.

Ошалевшая от новости Юстина лихорадочно соображала, нравится ей услышанное, или нет.

– Раз так случилось... пошли отмечать, – мама приобняла ее за плечи и потянула к выходу. – В кафе через дорогу замечательные пирожные.

А то Юстина не знает. Замечательные и обалденно дорогие.

По пути на мать напала внезапная, лихорадочная говорливость:

– Теперь переберемся из нашего пенальчика в роскошную квартиру. Пять комнат, папе кабинет, наконец, выделим, тебе детскую. Остальные... спальня, гостиная и... библиотека? Или гардеробная? Не знаю, после решим.

Что-то не так. Мама отреагировала на королевский подарок как-то странно?.. Или сам подарок казался неоправданно щедрым и не заслуженным? Хотя... если подумать, что Юстине известно о родительских заслугах?

Она неуверенно предложила:

– Может, позвоним папе?

Мать неожиданно смутилась:

– Кузнечик... дело в том, что одному господину понравился зиккурат и он предложил мне работу. Чрезвычайно срочную... и как раз сегодня я улетаю осматривать участок под строительство. Черт знает куда, даже не спрашивай. Связи там нет, звонить не смогу. Вернусь через неделю, тогда и расскажем папе про квартиру, ладно? Хочется сообщить ему столь грандиозную новость лично и в торжественной обстановке. Идет?

– Ты сегодня улетаешь?!

– Так уж получилось, – мама смутилась окончательно. – Этот, который заказчик, объявился буквально перед твоим приходом.

Юстина с сомнением дернула плечом:

– Окей, объявился, срочная работа, но ты-то там зачем? Неужели не хватило бы фильмов и фоток?

– Там сложный участок, все заросло. Короче без личного присутствия никак.

– И вот так внезапно?

– Увы.

– И во сколько?

– В пять. Ладно, давай не будем о грустном. В конце концов, я вернусь через неделю. Тебе какое пирожное, бисквитное или безе?

– Бисквитное с шоколадом.

Калейдоскоп событий мелькал слишком быстро, Юстине казалось, что она спит и никак не может проснуться.

– Мам, а как оттуда добираться до школы?

– Откуда?.. А, из зиккурата? Думаю, тебя, как всех, кто далеко живет, станет забирать школьный вертолет.

– А магазины, кино, кафе? Камила с Аней, наконец?

– В зиккурате установлена система «умный дом». Продукты, одежда и прочее из синтезатора, а что-нибудь вкусенькое всегда можно заказать с доставкой.

– Еда из водорослей, фу-у, – поморщилась Юстина.

В школьной столовой еще два года назад установили синтезатор, но то, что он производил, могло считаться съедобным лишь условно.

– В апартаментах последняя модель, не ваша дешевка, – улыбнулась мама. – Я пробовала. Получается вполне вкусно. И полезно.

– Ну, да... полезно.

– Зато не нужно больше копить на квартиру и можно будет раскошиться на семейный вертолет. С водителем.

– Вау, – только и смогла вымолвить Юстина.

– Представляешь, сможем путешествовать куда захотим, – пристраиваясь в хвост очереди, продолжала рекламную кампанию мама. – Хоть в другой город. Я вот, например, с удовольствием заглянула бы на родной «остров».

– Люсиновский?

– Ага.

– А что там?

– Для тебя, наверно, ничего интересного, а я там родилась и выросла, – мама мечтательно улыбнулась. — Знаешь, мы с ребятами по мосту через реку перебирались... ох и страшно было!

– Вы ходили за реку?! Зачем?

– Бегали на завод смотреть, Кузнечик.

– На тот самый, который за городом?! Разве к нему ведет переход?

– В том-то и штука, что нет. Крались по лесу, тихонько. И подглядывали через щели в заборе, как действует Портал.

– И все живы остались?

– Самое удивительное, что да. Там такая старушенция в лесу живет... настоящая ведьма. С волками дружит. Так вот, она нас спасла однажды и приказала не трогать, и мы ходили... раза два в неделю, после школы.

– С ума сойти! Я не знала, что человек может выжить за пределами города. Почему ты никогда не рассказывала?

– Потому и не рассказывала. Чтобы у некоторых по молодости не возникло соблазна попробовать. Эта старушка знаешь какая? Невероятно тощая, жилистая, шрамами сплошь покрыта. Несладко ей там приходилось поначалу. Да и теперь...

– Мам, а этот завод недавно закрыли, да? Что-то там вышло из строя... или?

– Да, в газетах что-то писали... не помню, Кузнечик. Кажется, обещали, что через неделю-другую он снова заработает, – мама как-то странно, словно через силу улыбнулась и внезапно замолчала. Несвойственные ей говорливость и возбуждение враз иссякли. С рассеянным изумлением уставившись на витрину, она будто силилась вспомнить, как и зачем оказалась в кафе. Передвигая общий поднос, Юстина исподтишка ее рассматривала. Еще молодая, красивая, следит за внешностью и умеет себя подать, но сейчас выглядит на все сорок. Желтоватые тени вокруг глаз, жесткая складка в углу рта, поникшие плечи. Вид усталый и несчастный.

«Почему?!»

Они почти дошли до кассы, и тут мать словно очнулась:

– Черный чай и два безе, пожалуйста.

– Мам, я хотела бисквит. И чай, если можно, зеленый.

– Точно. Бисквит. Два бисквита вместо безе. И жасминовый чай.

2

Школьный двор – едва ли не самое очаровательное место на Столешниковом «острове». Ухоженный, сочно-зеленый газон. Пестрый по осени, рыже-лимонно-бордовый кустарник.

Несколько кленов, рябина, дощатые, гулко звучащие под шагами учеников дорожки. Недавно отреставрированные, покрытые белоснежной лепниной, разнооконные и разномастные корпуса.

Камиля Шостакова по прозвищу Шоста и Аня Смехнянова, она же Смехнянка, ждали на скамейке под одним из кленов. До двенадцати лет девчонки учились вместе, но на прошлых выпускных у Юстины выявили склонность к живописи и с этой осени ее перевели в другой класс.

Вот уже неделю по уши загруженные учебной подруги почти не виделись.

– Хола, Юстя.

– Хай!

Аня на удивление соответствует своей фамилии: веселые, редкого темно-вишневого оттенка глаза; крупный, всегда готовый к улыбке рот; крошечная родинка на щеке; длинные, чуть выющиеся как у Белоснежки каштановые волосы.

Камиля слегка напоминает индейца. Антрацитовые, прямые и жесткие волосы до плеч; серьезные, чуть удлинненные карие глаза; смуглое, со впалыми щеками лицо. Рядом с оптимистичной Смехнянкой она выглядит угрюмой молчуньей. На самом деле характер у Шосты легкий, уравновешенный и отзывчивый. Просто она любит все обдумывать и взвешивать.

Одеты девчонки почти одинаково. На Ане полуспортивные, чуть мешковатые, но удобные штаны с множеством карманов. По светло-серому фону рассыпаны стилизованные треугольно-круглые голубые и зеленые цветы. Ядовито-желтая куртка-штормовка с капюшоном и колпачок набекрень, как у задорного гномика. Уши торчат.

На Камиле такие же штаны, только цветы на них кислотно-розовые. Куртка в тон цветам, колпачок в руке. Недавно Юстина сама носила подобную форму, а теперь она казалась какой-то детской. Собственные черные брючки и карминная курточка выглядели куда сдержаннее и взрослее. Впрочем, форму не выбирают, а колпачок ей тоже всучили. Другое дело, что она его ни за что не оденет.

– Ни хао! – завершая ритуал, кивнула Юстина.

Как всегда, испанский, английский, китайский. Дань тому, чего больше нет.

– У меня десятка. Мороженое или пирожки? – Аня по обыкновению лукаво улыбается.

– По какому поводу праздник?

– Мне обещают на Новый год подарить шиншиллу. Или даже двух.

– Это тот заспанный угрюмец в зоомагазине?

– И никакой не угрюмец. Очень даже симпатичная меховушка.

– А сколько он проживет?

– Говорят, лет 18—20.

– Ого, дольше, чем собака!

– Дольше. К тому же шиншилла – редкий зверь, реже собаки!

– Класс, поздравляю. Я – за мороженое.

– Ок, пошли.

– Юстя, а у тебя что новенького?

– Алевтина заболела.

– Вау, класс! Значит, лит-ры завтра не будет.

– Супер!

– А еще... маме подарили квартиру.

– Это как?!

– Где?

– Ну, в том доме, который она спроектировала.

– В том, который на горе?!

– Угу.

– Он же вроде как правительственный?!

– Угу.

– А как же школа, мы?

– Мама обещает купить вертолет.

– О, ну все... теперь ты птица высокого полета.

– Из-за вертолета?!

– Ага. Тебе станет не по чину с нами водиться.

– С ума сошли?! Какой чин?! Я такая, какая была!

– Даже если и такая, – вздохнула Камия. – Скоро это станет неважно. Не хотели говорить раньше времени, а теперь что уж... Короче, предки через пару месяцев того... переселяются. Со мной вместе.

– Мои тоже. Считают, что здесь день ото дня становится опаснее. И экономика нестабильна, завод вон не работает уже неделю. – Аня легонько пнула бордюр. – Вот почему твои так уперлись? Ушли бы все вместе!

– Денег пока не хватает, – печально качнула головой Юстина. – К тому же, мама, наверно, и там найдет работу, а вот отец... кому там нужен биолог-теоретик? Они про свою фауну и так все знают.

– Значит, останетесь?

Больно екнуло в груди. Чтобы не расплакаться, Юстина постаралась улыбнуться:

– А я сегодня пару получила.

– Ну да?

– За что?

– За Сашкиного ужа.

Насыщенная событиями вторая половина дня пролетела незаметно. Встреча с девчонками, мороженое, домашка по геометрии, разговор с Саней. Одноклассник оказался истинным кавалером. Позвонил сам, за недоносительство обещал Юстине покраску страницы в контурной карте и разрешил завтра подержать в руках своего склонного к путешествиям питомца.

Вечером навалилась тоска. «Девчонки скоро уйдут». Да еще мама. Позвонила перед самым отлетом, под завывание набирающего обороты винта. Скомкано, как-то неумело попрощалась, виновато пошмыгала носом и велела беречь отца. Будто это он отправляется незнамо куда на целую неделю!

Мама редко уезжала в длительные командировки, и дома без нее казалось как-то странно и неуютно. Не шла на взлет стиральная машина, не бормотало радио, не гремела на кухне посуда. Отец явился с работы с картонной коробочкой. Суши, курица в кисло-сладком соусе, рыба в кляре, палочки и соевый соус. Обожавшая восточную кухню Юстина вяло поковыряла курицу и отставила тарелку. Отвлечшись от наладонника, родитель с наигранной строгостью поинтересовался:

– Уроки сделала, Царевна-несмеяна?

– Угу.

– А хандришь чего? Двойку схлопотала?

«А вот об этом ему знать не обязательно».

– Мамы нет...

Понедельник, 18 сентября

Несмотря на ожидание, неделя пролетела как один день. Уроки, эскизы, выезд «на пленэр», как выражалась училка по живописи. Стирка, уборка и глажка в выходные.

Рутинная, скука и перманентная занятость «полезным». Выслушав четкий и ясный ответ у доски, физичка аннулировала двойку, так что отцу Юстина в своем несовершенстве так и не призналась.

Вечер понедельника накатил как-то внезапно. Только что была среда и уже на тебе – завтра возвращается мама.

«Пирожки с мясом, бульон и нормальную, жареную на сковородке рыбу! Китайско-японский, хоть и любимый рацион скоро полезет из ушей...»

На всякий случай Юстина набрала мамин номер, но никто, разумеется, не ответил.

«Слишком рано, она вне зоны действия».

Отец мыл на кухне посуду, насвистывая какой-то невеселый мотивчик.

– Эй, чего бродишь, словно неприкаянное приведение? Проспишь завтра, – окликнул он, заслышав шаги дочери в коридоре. – Давай ложись!

– Иду.

Спать не хотелось. Юстина рассеянно прошлась по крошечной квартирке, зачем-то завернула в комнату родителей. Дотронулась до поверхности стола. «Мама просила вытереть пыль еще две недели назад, а я так и не...» – и, не додумав, с изумлением уставилась на странное, округлое пятно у стены. В этом месте стол оставался почти чистым, будто оттуда что-то недавно забрали. Юстина нахмурилась:

– Па-ап!

– Что? – отозвался из-за двери отец.

– Мамина шкатулка с кольцом пропала!

– Может, она ее с собой захватила?

– Но зачем?

– Понятия не имею. Вернется – спросим.

Вторник, 19 сентября

4

На перемене после второго урока наладонник зашелся припадочной дрожью. Юстина мельком глянула, кто звонит... и застряла посреди коридора. Сердце противно екнуло от нехорошего предчувствия, ладони вспотели.

– Да, пап?

– Сколько у тебя еще уроков?

– Три. Биология, физика, пение. Литераторша по-прежнему болеет.

– После физики будь у главного входа, – не допускающим возражения тоном произнес отец и отключился. Озабоченно нахмурившись, Юстина попыталась перезвонить. Занято. И через 10 минут тоже.

Про какую-то «диффузию» она мало что поняла. Да и про жгутиконосцев слушала вполуха. Тщательно изгоняемые всю неделю страхи полезли изо всех щелей. «Почему мама была так рассеяна, задумчива, подавлена? Почему не знала заранее о поездке? Или знала и не сказала? Почему пропало кольцо? Что случилось, папа?!».

Около двенадцати Юстина слетела по лестнице, споткнулась на последней ступени. Отец подхватил, не дав упасть.

– Пошли.

– Куда?

– К маме на работу.

Он едва ли не бегом направился к выходу, Юстина едва за ним поспевала:

– Эй, погоди, в чем дело?

– Полтора часа назад оттуда позвонили и поинтересовались, «как самочувствие уважаемой Варвары Михайловны и когда она намерена вернуться к работе», – не снижая скорости, пояснил отец.

– Ее самочувствие?! Разве мама заболела?

– Неделю назад.

– Это что, шутка?!

– Сейчас выясним.

Услышав, что дверь за спиной открывается, секретарь Майя вздрогнула и застыла в смешной и нелепой позе. Хищно нависнув над понурой, зябнувшей на подоконнике фиалкой, она жестом опереточного злодея заносила над несчастным растением чашку с остатками чая. Без сомнения еще секунда, и произошла бы трагедия. Возможно, судя по его виду, далеко не первая в жизни цветка. Медленно опустив руку, секретарь с опаской обернулась. В ее глазах плескались паника и смущение.

Несмотря на тревогу за маму, Юстина с трудом удержалась от улыбки и отвернулась с деланным безразличием. Отец последовал ее примеру. Майя по достоинству оценила благородство гостей, шустро приткнула чашку между стопками бумаг и с преувеличенным дружелюбием осведомилась:

– Чем могу помочь?

Через полчаса выяснилось, что ничем. В результате стремительного блиц-опроса сотрудников и беседы с маминым непосредственным начальником оказалось, что о новой работе и срочной командировке слышали только Юстина и отец. Мамины сослуживцы, от секретаря до шефа, пребывали в твердой уверенности, что «Варвара Михайловна» пребывает дома в постели и гоняет чай с малиной, лимоном и медом.

Выслушав последнего из сотрудников, отец вручную, торопясь, путаясь и чертыхаясь, набрал короткий номер. Выждал несколько секунд и откликнулся на неслышный никому кроме него вопрос:

– Да, можете. Пропала женщина...

Юстина слушала, как он объясняется с полицией и не могла верить. Ее мать втайне от всех что-то планировала, наврала тьме народа и... исчезла. Или сбежала. Куда? Зачем?

– Да, я понял, спасибо. Буду на связи, – отец дал отбой.

– Что с чипом, сказали? – мамин шеф пребывал в не меньшей растерянности, чем остальные сотрудники. Зачем-то снял очки, засунул их в карман пиджака и теперь близоруко моргал и озирался, то и дело массируя переносицу.

Отец поднял больные, покрасневшие после бессонной ночи глаза:

– Ничего, Карим. Чип Варвары не регистрируется в сети, определить ее местоположение невозможно. Вот такая петрушка.

– Но этого не может быть! Даже если... – Майя осеклась на полуслове.

«Даже если бы мама умерла, чип передавал бы сигнал. Это она хотела сказать?!» – ужаснулась Юстина.

Не дождавшись продолжения, отец сухо кивнул:

– Благодарю за помощь. Если появятся новости, сообщу.

Карим Рашидович неуклюже поднялся, на прощание пожал отцу руку:

– Надеюсь, все образуется.

Чуть поморщился и непроизвольно потер плечо. Отец насторожился:

– Что? Сердце?

– Да нет, ерунда. Невралгия разыгралась, – мамин шеф бледно улыбнулся.

– Точно?

– Точно.

– Ну, смотри!

Все еще встревожено поглядывая на Карима, отец направился к двери. Внезапно его окликнула чертежница Алла:

– Андрей Андреевич, а вы знаете, что в день исчезновения Варваре Михайловне пода-
рили квартиру?

– Что?!

– С прошлого вторника ей... и вам с Юстиной принадлежат одни из лучших апартамен-
тов зиккурата.

– Вовремя, – с горечью обронил отец и стариковской шаркающей походкой устремился
к дверям. Юстина пристроилась следом.

Среда, 20 сентября

5

Мама так и не объявилась. Ни вечером, ни на следующий день. Всю ночь отец вышагивал
из угла в угол на кухне. Сквозь беспокойную дрему Юстина слышала едва различимый шорох
шагов, шум чайника. Пару раз родитель звонил в полицию. Выслушивал краткий отчет и молча
давал отбой.

Утром Юстина обнаружила его на балконе. Посеревшее лицо, мешки под глазами, сига-
рета в дрожащих пальцах. Ее всегда щеголеватый и подтянутый отец никогда не курил.

– Сделать тебе бутерброд? – нерешительно предложила Юстина.

Он дернул плечом.

– Не нужно.

– Пап... что будем делать?

– Искать.

– Где?

– Пока не знаю, – отец резким движением затушил сигарету о перила балкона. В маминой
пепельнице, рядом с последним, уже прикорнуло несколько бычков.

– Может...

– Юстик, дай мне подумать, хорошо?

От плохо сдерживаемого раздражения в его голосе душа ушла в пятки, но девочка храбро
продолжила:

– У меня возникла одна идея...

– Завтракай и дуй в школу, – бесцеремонно перебил он. – Маловата еще для идей.

Молча сжевав булочку, Юстина подхватила рюкзак, задержалась в крошечной прихожей:

– Я пошла, пап.

– Давай, – не оборачиваясь, бросил отец.

Наладонник Смехнянки оказался наглухо занят, зато Камиля ответила сразу.

– Шоста, мы еще подруги?

– Ты что там себе напридумывала?! Разумеется, да!

– У меня беда. Мама пропала.

– Что?! Как пропала?!

– Таинственно. На работе наврала, что болеет, нам сказала, что полетела новый участок под строительство осматривать, а сама исчезла. Неделю назад. Никто ее с тех пор не видел, а чип не регистрируется.

– Так. После уроков в вестибюле. Может, сообщать что-нибудь надумаем.

– На самом деле одна идея есть...

– Тем более.

– Подождете полчаса? У меня на один урок больше.

– Не вопрос.

– Хотя нет. Ну ее, геометрию.

– Окей, до встречи.

Так безобразно Юстина еще не эскизировала. Внимательно изучая ее шедевры, учитель нервно почесывал подбородок. Через минуту промычал нечто невнятное и отошел, не расщедившись на оценку.

Географию и новую историю Юстина провела как во сне, о чем шла речь на обоих уроках так и не осознала. Хвала везению, к доске ее не вызывали.

Подруги уже ждали.

– Хай! Ни хао! – окликнули они Юстину.

– Хола, – тускло отозвалась она.

– Разговор будет долгим? Пойдем в наше кафе? – предложила Смехнянка.

– Угу.

...Первой «Перекрестье миров», заведение с вкуснейшими пирожными, обнаружила Шоста, еще пять лет назад. Почти сразу притащила сюда подружек и в другие кафе девчонки теперь почти не заглядывали. Аня была в него прямо-таки влюблена. Старалась провести здесь каждую свободную минутку, постоянно выпрашивала у мамы денежку на булочки и сок, знала наизусть меню и была знакома со всеми официантками.

Кафе и, правда, казалось сказочно-волшебным. Огромные, от пола до высокого потолка, отмытые до стерильности стекла; деревянные, отполированные до янтарного блеска рамы и панели; натертый мастикой пол. Причудливые светильники в виде парусных яхт и каравелл. Уютный угловой диванчик напротив окна, с видом на одичалый сад. Контраст безопасности внутри и непредсказуемого риска снаружи – кафе построено на границе «острова», и со стороны заросшего и заброшенного сада к бронированному стеклу может прибежать или поползти кто угодно.

Юстина попросила клюквенный морс, Камиля – фруктовый чай. Сладкоежка Аня заказала любимый вишневый пирог.

Шоста нетерпеливо позвела ложечкой о стенки бокала с прозрачно-рубиновой жидкостью:

– Анята в курсе, я ей рассказала. Ты намекала на какую-то идею?

– Вроде того. Рассуждаем по порядку. Мамин портрет в наладоннике у каждого жителя «островов», но в полиции до сих пор никаких сведений, в течение недели ее никто не видел. Чип по-прежнему не регистрируется. Значит, она исчезла. Причем, скорее всего, еще в прошлый понедельник. Теперь она или очень далеко, или...

– Не или. – Быстро перебила Камиля, – эту версию мы не рассматриваем.

– Хорошо. Итак, как она могла оказаться далеко? Уйти из города некуда, вокруг леса. Остается одно. Улететь. Вчера папа общался со всеми сотрудниками, но не акцентировал внимание на охране. А она, между прочим, меняется через сутки. В том числе и на вертолетной площадке.

– Хочешь сказать, тот, кто дежурил в прошлый понедельник на этой неделе выйдет на работу во вторник. То есть сегодня.

– Именно.

– Гениально. Только ведь... о пропавшем вертолете в мастерской давно бы знали?

– Разумеется. Речь не об этом. Просто на парковке дежурит и дежурил в прошлый понедельник Мишенька-небо.

– О, а вот это удачно, – кивнула Шоста.

– Не то слово.

Смехнянка перевела недоумевающий взгляд с одной подруги на другую.

– Но где, если не там, твоя мама взяла вертолет?

– На нашем «острове» я знаю только одного человека, который не включает наладонник, не следит за новостями и единолично владеет вертолетом.

– Бабушка Римма, – выдохнули в один голос Камиля и Аня, – она не пользуется наладонником с тех пор, как погиб Витка!

– А его вертолет до сих пор хранился у нее на задворках.

– Бежим! – Шоста одним глотком выхлебала чай.

С лавочки у стены собственного дома бабушка Римма, высокая костистая старуха, неодобрительно следила за несущейся по узкому переулку троицей:

– Что мчитесь, как на пожар? Или натворили чего?

– Ничего не натворили. Бабушка Римма, мы к вам.

– Что за нужда?

– У Юсти мама пропала.

– Варвара? Как пропала?

– Вот так. Пропала. Никто не знает, где она.

– Я знаю. По работе полетела. У них там лишнего вертолета не нашлось, так она мой попросила. Все равно после Витюши остался, без дела стоял... я и дала.

– Когда это было, бабушка?

– Когда? Да в прошлый понедельник, часов около пяти.

– В какую сторону она полетела? Вы ее больше не видели? Когда она вернется? – хором выпалили девчонки.

– Вот скворчата! Не видела, хотя пора бы ей уже и вернуться. А полетела во-он туда, на восток.

Ой ли? В той стороне дремучая, безлюдная чащоба, и где она заканчиваются, неизвестно. А вот на юго-западе... на юго-западе возвышается таинственный и далекий зиккурат.

– Бабушка Римма, – чуть заикаясь от волнения, уточнила Юстина, – что-то подзабыла, какого цвета ваш вертолет?

– Синий такой, с оранжевым. Витя сам раскрашивал, говорил, так веселее.

– Спасибо, бабушка, – Юстина потянула подружек прочь, – вот теперь нам на парковку.

– Зачем? – удивилась на бегу Смехнянка.

– Забыла, чем Мишка развлекается в свободное время?

– Е-мое! Точно! – Аня хлопнула себя по лбу.

Миша по обыкновению загорал. То есть, подсунув огромные лапищи под шишковатый стриженный затылок, валялся на куске брезента и пялился в небо. Ничего интересного, кроме пухлявых облаков, туч да редких птичьих стай там не показывали, но он все равно смотрел. День за днем. Казалось бы, читай – не хочу, но парень ленился. Пить на работе ему строго воспрещалось, на навороченный наладонник с игрушками горе-охранник не заработал, а больше

заняться на посту было нечем. Только проверять наличие правильно оформленных на вылет бумаг.

– Миш, привет!

– Привет, мелюзга, – он приподнялся и оперся на локоть, заслоняясь другой рукой от солнца.

– Не простынешь? Чай не лето.

– Неа, у меня тама войлок, – парень хозяйственным жестом похлопал по брезенту. – Юстька, а я чего слышал! У тебя мамка никак запропала?

– Да. Миш, скажи, ты ее в прошлый понедельник случайно не видел?

– Неа.

– А Витькин вертолет?

– Витькин? Витькин, кажись, пролетал. Баба Римма его изредка пацанью дает. Чтобы не застаивался.

– Миш, вспомни, пожалуйста, куда он направлялся?

На лице охранника отразилась непривычно-напряженная работа мысли.

– Сначала на юго-восток. Его с полчаса наверно не было. Затем мелькнул еще раз, у самого горизонта и на юго-запад ушел. И... все. Не помню, чтобы он возвращался-то, – парень поскреб за ухом и сделался похож на озадаченного барбоса.

– Мишка, ты супер! – Юстина благодарно улыбнулась. – Что бы мы без тебя делали?

– Погодите, а чего...

– Все, мы побежали, пока! – поспешно перебила Смехнянка – давать объяснения в планы подружек никак не входило.

– Она что, к зиккурату полетела? Одна?! Но зачем? – отдышавшись после марш-броска воскликнула Камиля.

– Вот это мы и попытаемся выяснить, – задумчиво протянула Юстина. – Как и то, почему она до сих пор не вернулась. Туда лету от силы минут пятнадцать.

– Куда мы теперь?

– А как ты думаешь?

– Что?! В зиккурат? Пешком? С ума сошла?!

– А есть выбор? Нам еще нет шестнадцати, вертолет никто не доверит.

– Может, привлечь твоего отца?

– Ни за что. Он утром заявил, что справится без меня. Вот и пусть справляется.

– Юстя, не тот случай, – рассудительно заметила Камиля, – давай ему расскажем.

– Что мы, сами не доберемся?! Ходу часа два.

– Три. В лучшем случае.

– Хорошо, три. Но ведь по городу.

– Ладно, – Камиля с неодобрением покачала головой. – Когда выходим?

– Перекусим, сообщим предкам, что будем ночевать друг у друга и можем двигаться.

– До зиккурата доберемся не раньше семи. А обратно как? Ночью?!

– Будет зависеть от того, что мы там обнаружим.

– Да уж, вряд ли твоя мама полетела осматривать квартиру.

– Девчонки, дурацкий вопрос, но ни у кого нет случайно оружия? Лазерки, или на худой конец ножа?

– Шутишь?! Откуда?

– Зачем в городе оружие?

– В городе ни к чему, – Юстина смущенно замаялась, – Только зиккурат не совсем в городе. Он... на другом берегу реки. Но совсем рядом.

– На другом?! Как же мы туда попадем?

– По мосту. Он древний, но еще крепкий.
– А если там, на мосту и за ним, кто-нибудь водится?
– Мама говорила, что нет. Она изучала окрестности. Впрочем, случиться, конечно, может всякое. Правильно. Не надо вам со мной ходить, одна справлюсь.
– С ума сошла?! Конечно, мы тоже пойдем, разговаривать не о чем. А оружие и правда бы не помешало.

– Хотя бы нож.
– А ты умеешь им пользоваться?
– Нет, но ткнуть, если что смогу, – храбро и беспечно заявила Смехнянка.

Юстина посмотрела на нее с сомнением:

– Тогда хорошо бы его захватить.

Камила заглянула в наладонник, скептически поджала губы:

– Прогноз – облачно. Дождя не обещают, значит, скорее всего, пойдет. Юсть, у тебя отец где?

– Думаю, по-прежнему дома.

– И у меня мама. Ань?..

– Предки должны быть на работе, раньше меня ушли.

– Это я к чему... Если мы затеваемся всерьез, то времени в обрез. Рассиживаться, обсуждать и обедать некогда.

Время действительно поджимало – стрелки приближались к четырем, отправляться следовало немедленно.

– Разумеется, всерьез, – возмущенно фыркнула Аня.

– Окей. Тогда пора собираться и выходить. Сколько мы будем бродяжничать, неизвестно. Так. Нужны рюкзаки, дождевики и еда. Что еще?

– Фонарь не помешает, термос с чаем, – сосредоточенно перечисляла Юстина, – ну и нож все-таки не лишний, если удастся незаметно раздобыть. Анют, сможешь?

– У мамы вряд ли, у нее кухонные наперечет, – задумчиво протянула Смехнянка. – А вот у папы в столе, если я правильно помню, кажется завалялся старинный японский тесак.

– Ань, остальное тоже на тебе. Если мы с Юстей начнем при родителях выносить из квартиры подозрительные предметы... сама понимаешь.

– Понимаю. Значит с меня кроме ножа еще рюкзак, дождевики, термос с чаем и фонарь. Все?

– Может, еще веревку? Как мы на гору полезем?

– Мама говорила, там не гора, а высокий холм. И к зиккурату с набережной ведет дорога.

– Тогда обойдемся, – подвела итог Камила.

– Все, Анют, давай бегом. А мы с Юстей пока слетаем в магаз за провизией.

– А не поздновато выходим? Может, перенесем на завтрашнее утро?

– Через пятнадцать минут о том, что мы не пришли на занятия станет известно родителям. Через полчаса поднимут тревогу и начнутся поиски. Даже с «острова» уйти не успеем.

– Логично. Значит, сегодня.

Девчонки расстались у Смехнянкиного дома, уговорившись через двадцать минут встретиться возле школы.

Юстина и Шоста разжились пакетом с пирожками, печеньем и бутылкой воды. В ожидании Ани Камила изучала карту.

– Нам куда-то на юг?

– Скорее на юго-запад.

– Это в самый речной изгиб? Туда, где Лужниковская община?

– Да, через нее к юго-западным воротам и по мосту.

- Ничего себе, почти через весь город!
- Не так уж и далеко, километров десять.
- Это по прямой. А через переходы и «острова» все пятнадцать.
- За три часа всяко дойдем.
- Оптимистично. До моста может быть, – нахмурившись, покачала головой Камиля, – а вот дальше как раз по сумеркам придется. А сумерки короткие.

Анина миссия увенчалась абсолютным успехом. Дома действительно никого не оказалось, и собраться удалось быстро и почти без проблем. Дождевиков, правда, нашлось всего два. Вместо третьего Смехнянка прихватила огромный полиэтиленовый мешок. Зато, в добавление ко всему прочему, она раздобыла горсть фундука и яблоки. Родителям оставила на холодильнике записку, в которой сообщила, что переночует у Юсти.

Рюкзак уговорились нести по очереди, обедали сухим пайком, на ходу.

У крошечной беленой часовенки девчонки повернули направо, брусчатка знакомой до последнего фонаря улицы сменилась асфальтом. Прошли по центральному проспекту «острова», миновали поперечную дорогу под странным названием «Кузнецкий мост» (никакого моста там никогда и в помине, даже при прабабушке, не было). Показался тамбур-шлюз перехода... и тут Камиля внезапно спохватилась:

- Слушайте, а ведь там охрана.
- Где?
- На заставе, на выходе из города.
- И что?
- Не знаю. Наверно, она может не выпустить.
- Почему? Мы – совершеннолетние.
- Ага. только в школу ходить обязаны.
- Ну, мы скажем, что ненадолго.
- Не знаю. Может, прокатит, а может, и нет.
- Ладно, по ходу разберемся, – Аня легкомысленно пожала плечами.

6

Сколько Юстина себя помнила, ворота всегда стояли нараспашку. Отец с младенчества внушал: «если закроются – знай, пришла беда».

Миновав шлюз, подружки остались в одиночестве – коренные обитатели редко покидают «острова». Только ради торговли или поиска необходимых специалистов.

Десятилетиями бездействующий фонтан, просевший под тяжестью квадриги фронтон бывшего театра, призрачно-серая игольчатость ЦУМа. Бррр. Впрочем, Юстина с детства не любила короткий, но от этого не менее страшный переход к ближайшему, Кремлевскому, «острову» вовсе не из-за угрюмой заброшенности окружающих площадь зданий. Дело было в другом. Тропинка в трубе из пожелтевшего от старости бронепластика вела на юго-восток, в обход Театрального могильника. По другую сторону, слева, за остатками полуразрушенных домов скрывался второй, Лубянский. В отличие от него Театральный (менее подходящее название сложно придумать), находился всего в ста метрах от тропинки и с такого расстояния отлично просматривался. Мрачный памятник пандемии, он возвышался метров на десять над спекшимся от несусветного жара покореженным асфальтом.

...Пандемия разразилась семьдесят шесть лет назад, в ноябре. Прабабушке в тот год исполнилось четыре. Насколько знала Юстина, та мало что запомнила. Только ужасный запах и то, как мама, Юстина прапрабабушка, заперла малышку в чулане с запасом еды и воды

и ушла. Прошла целая вечность, прежде чем девочку выпустили какие-то чужие, страшно озабоченные и неразговорчивые люди.

Через несколько месяцев, когда все закончилось, оставшиеся в живых выдвигали многочисленные, ни на чем не основанные догадки и версии. Авария в лаборатории? Вышедшая из-под контроля диверсия? Неудачный эксперимент? Попытка смены разумного вида на планете?

Установить истину так и не удалось. Какова бы ни была причина, результат оказался ужасен. Несколько штаммов вирусов с заданными программами мутаций распространились по планете. Безобидные несколько недель или месяцев, они беспрепятственно проникали в самые удаленные уголки Земли. Пробирались в организмы людей и животных, путешествовали вместе с ними, размножались и потихоньку, согласно заложенной программе, мутировали.

Разумеется, те, кто был осведомлен о надвигающейся угрозе, и не подумали никого предупредить. Остались ли они сами в живых? Кто знает...

По рассказам очевидцев, в один кошмарный день рассчитанная на человека разновидность вируса буквально взорвалась активностью, и началась эпидемия. Миллионы людей в одночасье ощутили слабость, головную боль, потеряли ориентацию в пространстве. Сначала почувствовавших недомогание увозили в больницы, к вечеру увозить стало некому и некуда. Несколько дней больные словно пьяные или безумные бродили по улицам без сна, не в состоянии пить и есть. Тем немногим, кого вирус пощадил, казалось, что город полон ходячих мертвецов. Уцелевшие в панике бежали из густонаселенных городов, но смерть и безумие царили повсюду. Невозможно было не заболеть – буквально каждый из живущих являлся носителем вируса еще до начала трагедии. Впрочем, тогда об этом еще никто не догадывался.

Через несколько часов выяснилось, что эпидемия охватила всю планету. Помощи ждать не приходилось.

За неделю болезнь единым махом выкосила больше шести миллиардов человек. Самые крепкие из заболевших продержались неделю, слабые – не дольше суток. Люди умирали один за другим, никто не выздоравливал. Иммунен к вирусу оставался едва ли один из тысячи. В Москве, родном городе прабабушки, уцелело не больше десяти тысяч человек.

Пандемия завершилась, так же как и началась, в течение нескольких часов. Быть может, заключительным аккордом вирусной мутации стало самоуничтожение, а скорее всего те, кто остался в живых и их потомки оказались полностью невосприимчивы к заразе. Так или иначе, через неделю после начала пандемия закончилась сама собой.

Не исключено, что иные, не смертельные, рассчитанные на животных и пернатых штаммы вируса активизировались в тот же период. Просто занятые более важными проблемами люди поначалу не заметили ничего необычного. Лишь через полгода-год выяснилось, что безобидные зайки-кошки-мышки и куда менее безобидные тигры-волки-медведи постепенно видоизменяются и от поколения к поколению становятся разумнее. Геномы различных видов живности менялись по-разному. Кто-то мутировал медленнее, кто-то быстрее, кто-то сильнее, кто-то слабее. Никаких закономерностей в этом процессе выявить до сих пор не удалось.

Мутировавшие представители фауны не желали идти на контакт. Домашние животные за редким исключением постепенно отдалились от хозяев, а затем и вовсе их покинули. Лесные обитатели напротив начали проявлять кровожадную настырность.

Говорят, давно, еще до пандемии, город занимал существенно большую территорию и представлял собой единое целое. В туннелях под землей, в темноте и грохоте, от станции к станции носились так называемые «поезда метро». Сцепленные последовательно металлические вагоны перевозили с одного конца города на другой десятки и даже сотни тысяч человек.

После того, как болезнь унесла с собой большую часть населения, поезда оказались не нужны – некого стало перевозить.

Пережившие катастрофу горожане долго не решались вернуться домой. В сельской местности, где люди жили относительно рассредоточено, с последствиями эпидемии постепенно удалось справиться. В городах дело обстояло значительно хуже. Миллионы неопознанных трупов неделями оставались на улицах, никто не знал, как с ними поступить. В тот период всеобщего отчаяния, шока и тотального хаоса горожане всерьез подумывали оставить город мертвецам. Со временем тяга к родным местам пересилила страх, многие вернулись. В чьей-то голове зародилась идея превращения туннелей метро в братские могилы. Сначала умерших относили на станции и дальше во тьму, затем на перроны, на лестницы... К весне, когда ужасная работа была завершена, горы человеческих тел возвышались над землей. Дома вокруг могильников разрушили, из обломков соорудили уродливые надгробия, на всякий случай облили напалмом и подожгли.

В раннем детстве Юстина часто слушала мамины рассказы о тех страшных временах, и однажды ей приснился летящий сквозь непроницаемый мрак поезд, полный молчаливых мертвецов. Серокожие и неподвижные, они равнодушно пялились во тьму окон. Этот сон она запомнила на всю жизнь.

Современное устройство Москвы, вероятно, показалось бы странным любому из тех, кто населял ее до пандемии. Вернувшиеся пытались сохранить от запустения жизненно важные и дорогие сердцу уголки города. Старые уютные улочки, памятные места, заводы и фабрики, новые удобные здания, больницы, многое другое. Уголков оказалось много, людей не хватало. В результате Москва разделилась на многочисленные «острова», в каждом из которых проживало несколько сотен человек. Часть территории расчистили под огороды и сады.

Лет пять москвичи заново обживались. Затем, в основном по ночам, стали приходить поумневшие хищники. В результате недружественных визитов каждый «остров» в кратчайшие сроки окружила высоченная стена. Между «островами», соединяя их между собой, протянулись защищенные со всех сторон галереи-переходы.

Мама рассказывала, что раньше, еще до пандемии, подобным образом – животные на воле и любопытные посетители на огороженных дорожках – были устроены заповедники. Юстина долго не могла понять, почему звери из заповедников запросто, как сейчас, не приходили в не огороженный стенами город.

7

...Девчонки привычно отвели взгляды от нагромождения опаленных и оплавленных бетонных обломков с нелепо торчащей, изогнутой и выкрученной арматурой. Зрелище не для слабонервных. Могильники и территории вокруг них много лет назад официально признаны безопасными. Впрочем, Юстина не знает никого, кто по доброй воле рискнул бы приблизиться к бывшим входам в подземку. Даже самых отважных исследователей останавливает кое-что помимо иррационального страха. Отец (и не только он) не раз высказывал опасения, что где-нибудь глубоко под землей может тлеть очаг заражения. Никаких доказательств тому не существует, но желающих проверить справедливость теории на собственном опыте пока не находится.

Миновав Театральный могильник, труба перехода свернула на юго-запад, на бывшую Никольскую – здесь кое-где до сих пор сохранились таблички с названием улицы и номерами домов. За спиной остался еще один вход в подземку. Неудачно расположенный, извилистый и неудобный. Возможно, именно по этой причине его не превратили в очередное захоронение, а попросту замуровали.

Скрывшееся с полчаса назад светило выглянуло вновь, оглушительно-ярко ударило по глазам. Бронепластик галереи забликовал так, что Юстина невольно зажмурилась. Один дом, второй... из окна четвертого на крышу перехода с мягким, приглушенным стуком спикировал крупный кот чудного рыже-бело-серого окраса. С трудом удерживаясь на скользкой поверхности, всмотрелся в девчонок злыми, умными глазами и бесшумно канул прочь. Юстина непроизвольно задержала дыхание, Шоста едва слышно ругнулась, Смехнянка из-под ладони проводила бывшую домашнюю зверушку долгим внимательным взглядом.

Фанат новой биологии, Аня могла часами простаивать у ограждающего «остров» стекла, подкарауливая загадочную и почти неизученную лесную живность. Она и кафе с окнами на «ту сторону» облюбовала вовсе не из-за чудесных пирожков, а ради наблюдений. Одна беда, редко кто из безобидных лесных обитателей рисковал приближаться вплотную к поселениям двуногих, а крупных и опасных тварей отлавливали на подходах к «островам» рейнджеры. Любопытной Смехнянке попадались в основном птицы, дикие коты, белки да изредка ежики. Разумеется, в этом походе она надеялась на большее. Сама по себе разноцветная зверюга Аню не заинтересовала, такие встречались ей и раньше. Другое дело, что в ее появлении таилось обещание неизведанного.

Спохватившись, что приближается время возвращения из школы, Юстина добыла из кармана наладонник. Сухо проинформировала родителя, что будет ночевать у Шосты, выслушала обязательные «Ты поела?», «ладно» и «не ложитесь поздно» и отключилась. Отцу не до нее.

У Камили разговор с матерью не задался буквально с первой фразы. Оказалось, что от подружки ожидался поход в магазин и помощь по дому. Стараясь не прислушиваться к винтоватому бормотанию, Юстина с преувеличенным вниманием разглядывала окружающий пейзаж. Видно сквозь мутный бронепластик было так себе, она поминутно ловила себя на желании протереть запыленную, поцарапанную поверхность. Снаружи галереи мыли редко, раз в год, весной. Ощетинившаяся брандспойтами, секаторами и оружием бригада обходила по периметру город и переходы. Мыла, подрезала ветки, убирала мусор. К осени, как правило, результаты их трудов становились полностью незаметны.

– Надо домой? – дождавшись конца разговора, осторожно поинтересовалась Юстина.

– Еще чего. Завтра все сделаю. Или послезавтра, – преувеличенно-бодро вскинула голову Камила.

– Ты уверена?

Суровость и непреклонность Шостиной мамы была широко известна в узких кругах.

– Не оставлять же вас двоих!

– Спасибо, – серьезно поблагодарила Юстина.

Если завтра к восьми утра Камили не будет в школе, уборкой квартиры она не отделается. С нее как минимум снимут скальп.

Словно в лад с настроением подружки, небо окончательно затянуло блекло-серой хмарью.

Слева, за уродливыми развалинами Гума, ожидаемо-внезапно распахнулся простор Красной площади. Заросшая побуревшими, полеглими космами травы и низким, стелющимся, будто седым кустарником, она производила странное впечатление. Брусчатка, когда-то тщательно уложенная, пригнанная и выровненная, шла волнами. Многочисленные корни миллиметр за миллиметром, год за годом упрямо сдвигали и поднимали тяжеленные камни, проникали под них и выворачивали.

В спутанной растительности, в своем обособленном мирке, шныряли грызуны неизвестной породы. Бесхвостые, грифельно-серые, в цвет мокрой брусчатки. Один вынырнул неподалеку, в цепких пальчиках зажата неумело сплетенная из травяных стеблей корзинка... Аня выхватила наладонник и принялась судорожно щелкать кнопками. Зверек замер, сторожко принюхался, покрутил головой и с шустрой неуклюжестью ввинтился обратно в заросли.

Вдалеке Юстине померещился миниатюрный, сплетенный из веточек дом с настоящим окошком и дверью. Из трубы струилась едва различимая ниточка дыма.

За булыжно-травяным раздольем мертвым многоцветьем громоздился старинный храм. Словно заботливо испеченный к празднику торт нечаянно забыли подать гостям, и он безнадежно испортился. Мама что-то про него рассказывала, но Юстина все забыла. Помнила только, что того, кто строил, вроде бы ослепили... или убили. Зачем? Только мама знает.

Вместо привычного бронестекла Кремлевский «остров» окружали древние высоченные стены и башни темного кирпича. Галерея перехода вела вдоль полуразрушенного здания какого-то музея прямо к одной из башен. Устремленное ввысь сооружение напомнило Юстине увеличенный в тысячу раз, поставленный «на попа» пряник. Бабушка пекла похожие. У подножия башни переход заканчивался гигантским шлюзом перед здоровенными, распахнутыми во всю ширь воротами. На входе никого, только незнакомый дядька скусающе поглядывает сверху, из-за парапета. Вот и вся охрана.

Длинный ярко-желтый дом, в котором обитает большая часть общины; торговые ряды; детская площадка; еще один, действующий, храм. Люди спешат по своим делам.

Справа, через прорубленную в стене широкую арку, виднеются укрытые за бронестеклом знаменитые Александровские сады. Поговаривают, что кроме обычных фруктовых деревьев там встречаются персиковые и апельсиновые. Так ли это на самом деле, Юстина понятия не имела.

Теперь быстрее и как можно незаметнее: бетонно-полосатый уродливый куб детского сада-школы-музея-библиотеки, корпуса швейной фабрики, Боровицкая арка... ворота шлюза нараспашку.

Юстина украдкой выдохнула. Обошлось. Путешественницы миновали последний рубеж, где их могли остановить, окликнуть, поинтересоваться, куда это самоуверенные пигалицы намылились без сопровождения взрослых. Путь открыт. Другое дело, что так далеко от дома ни одна из них еще не заходила, и дорогу подружки представляли себе крайне смутно, ориентируясь лишь на схему в наладоннике.

8

С этой стороны Кремлевского «острова» переход выглядел по-иному. Вместо круглой трубы перед девчонками предстала квадратная в сечении галерея с наклонной верхней гранью. Изменился и материал – вместо пластика здесь использовали листы бронестекла. Пыль на крышу, разумеется, оседала, зато вертикальные стены отличались почти кристальной прозрачностью. Под ногами вместо пересыпчатого песка подпружинивал дощатый настил.

Слева за стеклом – въезд на обрушившийся мост. Галерея пересекает площадь, углубляется в очередную заброшенную, на сей раз совершенно незнакомую улицу. Безлюдье на несколько километров вокруг, только какой-то мужичок с натугой волочет навстречу дорожный чемодан на колесиках. Переезжает, что ли?

Облупившиеся, словно обглоданные временем постройки, граффити, выбитые стекла. Разномастный кустарник с настырной рыжей жалостью принял к потрескавшимся стенам, заглядывает в бездонные провалы окон и дверей. Раскрошившиеся ступени и тротуары задрапированы, точно рыболовной сетью, прошлогодней листвой и сорняками.

Последний, Кропоткинский, могильник переход обогнул по внушительной дуге, проложенной поверх фундаментов старых домов. За сваленными в беспорядке, обугленными плитами импровизированного кладбища возвышалась фантастическая, грязно-бетонная громада когда-то самого известного в Москве собора. Теперь, по сравнению с доходчивой лаконичностью переднего плана, собор выглядел совершенно неинтересно и малозначительно. Рассеянно

мазнув взглядом по облезлым куполам, Юстина отвернулась, старательно не замечая запечатанный вход в подземку.

Оставив за спинами собор и коряво-ужасающее нагромождение перед ним, подруги, наконец, вздохнули с облегчением. До последнего «острова» у реки путь предстоял неблизкий, утомительно-извилистый, но, по счастью, проложенный вдалеке от могильников.

Эту часть города, вплоть до Лужников, вернувшиеся после эпидемии горожане по каким-то причинам оставили почти без внимания. Только в больничном комплексе неподалеку от Фрунзенского могильника теплилась какая-то своя, специфически-медицинская жизнь. Согласно схеме, в этом месте от основного перехода ответвлялась широкая галерея. Сворачивать туда девчонки, разумеется, не собирались.

Что-то в зарослях привлекло ее внимание. В первую секунду Юстину прошиб холодный пот, но почти тотчас она осознала, что ошиблась. Никакие это не мертвецы. Просто опрокинутые статуи.

– Это же надо!

– Что? – обернулась Камиля.

– Посмотри.

Пухлые ангелочки со щитом и мечом, тетенька в тунике и шлеме, лев, дяденька со скрипкой, что-то абстрактно-навороченное... сборная солянка.

– Вижу.

– Откуда они, такие разные?

– Есть многое на свете, друг Горацио, – с усмешкой процитировала начитанная Шоста.

– Надо будет у мамы... – привычно начала Юстина и осеклась.

Камиля деликатно промолчала.

– Эй, вы чего застыли? Опаздываем же, – окликнула Аня, и девчонки бросились догонять.

Подружки одолели чуть больше половины пути, когда Юстина поняла, что ее кроссовки не годятся для длительных марш-бросков. Она старалась не хромать, но уже через пять минут Шоста, покосившись через плечо, невинно осведомилась:

– А велики мы не захватили по какой-то уважительной причине?

– Родители дома.

– А прокат?

– Хорошая мысль... – Юстина скривилась. – Пластырь тоже забыли?

– Ага. И аптечку.

– Предусмотрительно.

– Не то слово.

– Привал?

– Не помешает.

В шестикилометровом пустынном переходе то здесь, то там встречались площадки для отдыха и даже биотуалеты – горожане стремились сделать невообразимо длинный перегон хоть немного комфортным для путешественников. Девчонки расположились на одной из площадок, перекусили и угостились Смехнянкиным чаем. Расслабились было, но бдительная Камиля выразительно постучала по наладоннику: там высвечивалась нехорошая цифра 17.54 и тучка с красноречиво мерцающими дождевыми каплями и сизыми завихрениями. Через полтора часа станет темно, мокро и ветрено.

Дальше, невзирая на Юстины кроссовки, двигались в ускоренном темпе.

После широченного, загроможденного проржавевшими насквозь остовами автомашин Садового кольца стало ясно, что центр остался позади. Вычурная лепнина особняков сменилась глухими покосившимися заборами, безликими пятиэтажками, убогими заводскими корпусами. Добротные постройки в центре куда лучше перенесли испытание временем – на окраине город окончательно сдался на милость природы и словно растворился в ней. Высоченная трава, деревья местами придвинулись вплотную к переходу, ветви скребут о стекло, словно настойчиво напрашиваются в гости. Взгляд ненароком выхватил вывеску «Университетская клиническая больница №3». И пониже, мелким шрифтом: «клиника нервных болезней». Юстина поежилась.

Смехнянка вдруг остановилась, высматривая что-то по ту сторону ограждения. Корявые, будто ободранные лапы низкорослой ели невдалеке от дорожки энергично сотрясались и дергались. Кто-то возился там, в густой, сыроватой тени.

– Ань, что там?

– Не вижу. Может, ежик или хорек?

– Пойдем, наверняка он нас боится.

– Одну минутку, ну, пожалуйста! Вдруг покажется?

Юстина тихонько вздохнула.

Словно по заказу из-под ели высунулось длинное ухо. Похоже здесь, на длинном перегоне, где человек появлялся относительно редко, дело с экзотической фауной обстояло лучше, чем поблизости от «островов».

Следом за ухом из сумрачной тени выбрался и его обладатель.

– Ой, заяц. Девчонки, смотрите, настоящий заяк! – Аня в умилении присела на корточки и легонько постучала по стеклу.

«Крупноват он что-то для зайки», – собралась было усомниться Юстина, и тут трогательно ушастый и пушистый комочек открыл необъятную пасть и хищно зевнул, продемонстрировав отнюдь не травоядный набор зубов с острыми как иголки клыками. Челюсть с клацаньем захлопнулись, «зайка» низко, утробно заурчал и шустро закосолапил в сторону остолбеневших подружек. Последние три метра, мощно оттолкнувшись задними лапами, он одолел в полете. Врезался в стекло и попытался его прокусить. Посидел немного, ошалело тряс башкой с длинными ушами, и бросился снова. То, что предполагаемые жертвы большее него раз в пять, зайца ничуть не смущало. Мозги, в отличие от пищеварительного тракта, перестройке, очевидно, не подверглись.

– «С волками жить...», – ошеломлено протянула Юстина, разглядывая алчно грызущую ровную поверхность зверушку, – заматерел, однако, заяк.

От укусов на стекле оставались молочно-белые разводы. «Ну не яд же, в самом деле?! Хотя...».

Камя, словно не веря собственным глазам, помотала головой:

– Что-то я не помню такого в учебнике.

– Там сносочка была на странице, внизу, мелким шрифтом. «Встречаются не только травоядные подвиды». Ты просто внимания не обратила, – вне себя от счастья, откликнулась Аня. Нацелив наладонник на «зайку», она снимала один 3d ролик за другим.

– Вот они какие оказывается... подвиды, – с сарказмом протянула Камя.

Минут через двадцать после того, как они сумели разлучить Смехнянку с ее драгоценной находкой и продолжить путь, подружки обнаружили в бронестекле ограждения сквозную неровную дыру диаметром чуть больше пальца. Вокруг нее густо разбегалась молочно-белая сеточка трещин. Вероятно, у кого-то из странствующих по переходу сдали нервы.

– Это стреляли, да? – с опаской уточнила Камя.

– Да, причем из чего-то серьезного. Несколько раз в одну точку – иначе стекло не пробить. Калибр миллиметров двенадцать, – осторожно потрогав край отверстия, сообщила Юстина.

Прижавшись щекой к стеклу, Камиля заглянула в дыру сбоку, затем сунула в нее палец:

– Ох и толстенное!

– Смотри, не порежься.

Аня тем временем, присев на корточки, что-то жадно разглядывала на земле по ту сторону стекла. Юстина присоединилась. Метрах в пяти от девчонок на примятых лопухах виднелись крупные бурые кляксы.

– В него попали, а он ушел, – зачарованно прошептала Смехнянка. – Кто же это был? Гризли? Мамонт?

Пожав плечами, Юстина открыла было рот, собираясь сказать, что гадать бессмысленно и пора двигаться...

– Бу, – глумливо и отчетливо выговорили сзади и совсем рядом. И со скрежетом долбанули в стекло.

Юстина от неожиданности дернулась и больно стукнулась локтем, Камиля болезненно вскрикнула. Девчонки в панике обернулись. Тройной душераздирающий вопль ужаса слился в один.

С той стороны, сверху вниз на путешественниц бусинками глаз таранилась плюшевая кофейного цвета морда с округлыми ушами. На носу – зигзагообразный шрам. Морда вплотную прикинула к прозрачной поверхности и с явной издевкой, чуть тише повторила «Бу!». Скрытый по пояс в зарослях шиповника зверь передними лапами опирался на почти неразличимую преграду. Устрашающего вида когти оставили на сверхпрочном стекле несколько царапин.

– К-кто это? Альфа-медведь?! – враз охрипшим голосом предположила Камиля.

– Вряд ли. Разве они заходят на этот берег?

– Училка говорила, что нет. А на самом деле, кто знает?

– Слишком маленький. Скорее, это ведмед.

– Кто-нибудь помнит, они человечину жрут?

– Они все жрут. Только стекло ему не разбить.

Словно развлекаясь, ведмед вновь легонько ударил передними лапами.

– Вот и отличненько, что не разбить. Х-хватит с меня на сегодня биологии. Пойдемте, а? – дрожащим голосом попросила Камиля.

Аня медленно поднялась, попятилась, не сводя с ведмеда испуганных глаз. Камиля и Юстина, схватившись за руки, последовали за ней. Подружки отступали, а коричневое чучело внимательно следило за ними с явственно написанным на морде гастрономическим интересом. Юстина споткнулась и вскрикнула. Ведмед опустился на четыре лапы, шагнул... не выдержав, девчонки развернулись и помчались во все лопатки.

– Гыыы-ы, – презрительно и почти добродушно донеслось вслед.

10

Разумеется, Камиля порезалась о стекло. Не сильно, но и не ерундово. Когда ведмед выдал первое «Бу!» и шмякнул по ограждению, она как раз водила пальцем по краю отверстия.

Кровь останавливалась, но при малейшем движении начинала сочиться снова. «То, что забываешь, всегда требуется в первую очередь», – отдавая подруге свой второй и последний носовой платок, сокрушено подумала Юстина.

Переход устремился через парк. Графитовые росчерки ветвей на фоне темно-янтарном листвы, пруд со смоляной, стоячей водой, замшелые горбатые мостики. Направо, к Пироговке, ответвилась обещанная картой галерея. Девчонки едва на нее взглянули. Избегая встречи с Фрунзенским могильником, основной переход бесцеремонно срезал по диагонали целый квартал и вывернул на прямой, точно стрела, проспект. По обе стороны пеньками торчали скроенные по единому образцу кирпичики домов. Юстина осмотрелась без прежнего любопытства и внезапно поняла, что ужасно устала. Немилосердно ныли мышцы, рюкзак оттягивал плечи, натертая нога требовала снисхождения и передышки. Юстина глянула в наладонник. Не до отдыха – времени в обрез.

Неохватный простор заброшенного шоссе. Кажется, оно еще шире Садового.
«Интересно, зачем столько места? Для самолетов?»

Невообразимо широкая эстакада. Переход нырнул под нее и никак не мог вынырнуть. Ребристые балки, лес колонн, сырость и полумрак. Девчонки ошарашено вертели головами, не в силах постигнуть циклопический размах сооружения. За эстакадой – безбрежное море потрескавшегося асфальта, странные бетонные рогатины, какие-то бурые холмики. Только через минуту Юстина осознала, что на самом деле это остановка и целое кладбище прогнивших насквозь автобусов.

Вот и последний шлюз. Традиционно гостеприимно-распахнутые настежь створки, огороженная, безопасная территория Лужниковского «острова».

Как-то вдруг оказалось, что солнце если и не село, то спустилось к самому горизонту. Похолодало, краски будто выцвели и смазались. Налетел влажный ветер, небрежно мазнул по лицам, растрепал волосы. После защищенного перехода на улице оказалось зябко. Юстина сунула руки в карманы, Аня застегнула куртку и подняла воротник. Время подбиралось к семи.

Малонаселенная, расположенная на отшибе Лужниковская община так же, как и Кремлевская, встретила их без интереса. Бесконечные огороды со всех сторон опоясывали плюшку бывшего стадиона. Кабачки, репа, морковь, свекла, лук, местам обессилено распласталась побитая вредителями и непогодой картофельная ботва. Несколько теплиц, оранжерея, яблоневый сад. Среди засаженных по линейке буро-желто-зеленых рядов деловито возились обитатели «острова». Перекапывали освободившиеся грядки, собирали урожай. Несколько суровых на вид мужиков оторвались от работы и проводили девчонок подозрительными взглядами. Впрочем, их заботила только сохранность овощей и фруктов. На всякий случай, чтобы не привлечь еще больше внимания, подружки пробрались от шлюза до заставы окольным путем, вдоль забора, по узким и топким земляным дорожкам.

11

Охрана на заставе оказалась весьма условная – один единственный дядечка с автоматом и понурый облезлый пес. Впрочем, грозное оружие бесполезно болталось на обломанном яблоневом суку, а четвероногий помощник блохасто чесался и на девчонок не соизволил даже взглянуть. Завидев приближающуюся троицу, томящийся от безделья дяденька заметно оживился, отложил наладонник и с напускной строгостью поинтересовался:

– Куда это на ночь глядя?

– На речку посмотреть, – тоненьким голоском пролепетала Аня и ясно улыбнулась. – Туда и сразу обратно.

– Вот так, без взрослых?

– Мы ненадолго, – умоляюще прошептала Камила и похлопала длиннющими ресницами.

– А про всякие страхи-ужасы за оградой мамы-папы вам рассказывали?

- Конечно, обязательно. Мы правда недалеко и ненадолго. А если что, то сразу назад.
- Если «что», назад вы уже не успеете.
- Успеем, мы шустрые.

Пограничник негодуяще крикнул и покрутил шеей, точно ему натирал воротник:

– Сколько лет?

– Четырнадцать.

– А с рукой что?

– Порезалась.

– Медсестра в секторе В.

– Не нужно, спасибо.

– Не хотите как хотите. Только без сопровождающего я вас все равно не выпущу.

– Да чего ты к ним прицепился? Хотят – пускай себе идут, – раздался от земли хриплый, с ленцой голос. – Нет никого вокруг, я же чую.

Юстина вздрогнула от неожиданности. Пес так и не соизволил повернуться, только брякнулся на асфальт и с шумным вздохом пристроил на лапы морду. Подавшись вперед, Аня буквально ела его глазами.

Дядька покосился на четвероногого напарника и нехотя скомандовал:

– Чипы.

Не сводя глаз с блохастой псины, девчонки привычно вытянули руки для сканирования.

– Порядок. Проходите. Только чтобы через полчаса как... лист перед травой, – пограничник с натугой выволок из пазов согнутый из толстенной арматуры крюк и откатил по рельсам тяжеленную створку.

Толкаясь, подружки бросились к выходу.

– И учтите, луговки, – донеслось вслед, – останетесь живы, без карантина домой не попадете.

Ворота захлопнулись, крюк со скрежетом встал на место.

12

Ни огонька, ни звука. Лишь ветер в сумраке шелестит листвой по заброшенной аллее. Совершенно незнакомый, враждебный человеку мир.

– Куда мы теперь? – почему-то шепотом спросила Аня.

– Налево должен быть метромост... и станция.

– Тоже могильник?!

– Нет, просто платформа над рекой. А над ней, кажется, еще и шоссе.

– И как туда попасть?

– Понятия не имею. Но люди ведь раньше как-то попадали?

Камиля заглянула в наладонник.

– Мдаа... весьма схематично. Выйдем для начала к набережной?

– Давайте попробуем.

Девчонки отделились от заставы метров на сто, когда Шоста, наконец, не выдержала:

– Ань, как думаешь, ОН нас уже не слышит?

– Надеюсь, нет, – Смехнянка ненароком оглянулась.

– Первый раз вижу, чтобы мутанты сотрудничали с людьми.

– Честно сказать, и я. Вот бы с ним познакомиться!

– Зачем? Он, небось, всю жизнь на посту. Ничего больше не видел, ничего не знает.

– А коэффициент интеллекта проверить?

– Так он тебе и позволил.

– А вдруг?

- Ну, может на обратном пути повезет.
- Это если нас какой-нибудь «зайка» не схарчит...
- Камиля!
- Что «Камиля»?! Кто-нибудь думал всерьез, что будет, если нам встретится какая-нибудь действительно опасная тварь?!
- Здесь ходьбы от силы двадцать минут. Причем в основном по мосту.
- До склона. А затем неизвестно сколько карабкаться в полной темноте. А если альфа-медведь?
- Зачем альфа? Нам и ведмеда хватит.
- Не смешно.
- Но этот супер-пес сказал, что вокруг никого.
- А вдруг соврал? Да и вообще, тогда не было, а сейчас, может, уже есть.
- Не каркай!
- А вдруг кошмарный «Бу!» за нами увязался?
- Как? Он не собака, по следу ходить не умеет.
- А если другой такой же?
- Ведмедь к городу не приближаются.
- Серьезно?! – фыркнула Камиля. – А наш? Утратил нюх и ориентацию в пространстве?!

Или его ураганом занесло?

- Слушай, если тебе страшно – дуй обратно на заставу! – не выдержала Аня.
- Разумеется, страшно. Как и вам. И мы все пойдем дальше.
- Если ты с нами, то хватит всякие ужасы выдумывать!
- Я не выдумываю! Просто пытаюсь быть объективной!
- У тебя отлично получается!
- Стараюсь!
- А ты не старайся!
- Ну и не буду!

С минуту в воздухе натянутой струной звенела незаслуженная обида, но долго дуться Шоста не умела:

– Ань, как же так? Всегда считалось, что мутанты, они... не слишком разумные. Как четырехлетки. Умнее животных, но глупее людей. А этот... он же рассуждает совсем, как взрослый. Ты про таких знала?

- Нет, – смущенно и чуть виновато буркнула Смехнянка.
- О таких мутантах известно, – раздался позади спокойный мужской голос.

Аня и Камиля придушенно взвизгнули, у Юстины перехватило дыхание. Подруги сбились с шага и испуганно обернулись.

– ...но встречаются они крайне редко, – как ни в чем не бывало, закончил неожиданный попутчик.

- Пап?! – изумленно выдохнула Юстина.

Голос отца она, разумеется, узнала, но вот его самого... Девочка привыкла к совершенно иному облику. Строгим костюмам и рубашкам, туфлям и дорогому наладоннику. В крайнем случае, к шерстяному джемперу и светлым джинсам. Сейчас к путешественникам приближался незнакомый человек в мешковатой, пятнистой куртке и таких же штанах. Нож и игольник на поясе, рюкзак, высокие ботинки на липучках. Правая рука родителя небрежно и явно привычно покоится на хищном, устрашающе-черном прикладе автомата.

Даже походка, кажется, изменилась – стала плавно-крадущейся и абсолютно бесшумной.

– Однако шустрые лягушки, еле догнал, – невозмутимо заметил подошедший. – Только визжать зачем? По ведмеду своему соскучились?

- Вы Юстин папа? – неуверенно уточнила Камиля.

– Он самый.

Родитель не мама. Ни слова упрека, никаких выяснений. Уже через минуту стало очевидно, что за «самоволку» Юстине не влетит. Мало того, отец даже не попытался отговорить подружек от задуманного. То ли чувствовал себя виноватым, то ли уважал право дочери на принятие решений... какая разница?

Юстина в который раз за сегодня вздохнула с облегчением.

– Как ты нас нашел?!

– Как вы нас догнали?!

– Тоже мне, бином Ньютона. Потолковал с Мишкой и все дела.

– Мы сначала к бабе Римме заходили, – с легким оттенком превосходства сообщила Камиля.

– Я понял. Молодцы, Шерлок Холмсы. С рукой что? И с ногой?

Девчонки кое-как, перебивая друг друга, сбивчиво объяснили.

– Запах крови не лучшее, что можно придумать в сложившихся обстоятельствах.

Отец добыл из кармана на поясе фонарь, баллончик с антисептиком, бактерицидные салфетки, спирт и пластырь. Обернулся к Смехнянке:

– Посвети-ка.

Протер руки, размотал пропитавшийся кровью платок, сноровисто обработал и залепил порез. Ненужную больше импровизированную повязку вместе с использованными салфетками аккуратно завернул в полиэтиленовый пакет и спрятал в рюкзак. Повернулся к внимательно наблюдавшей дочери:

– Чего стоишь? Снимай обувь.

– Там колготки.

– Снимай!

Прыгая на одной ноге, Юстина кое-как стянула кроссовок, чуть не упала, неуклюже ухватилась за случившееся рядом дерево. Отец извлек нож, присел на корточки. Придержал ступню и одним движением вспорол тонкую ткань. Отрывисто напомнил Ане:

– Свет!

Та поспешно направила луч ему на руки. Жутко зашипало, Юстина сдавленно зашипела. Заклеив пятку, родитель коротко скомандовал – «Обувайся!», – отобрал у Ани фонарь, погасил и уверенно зашагал в сгущающиеся сумерки.

Юстина спросила в удаляющуюся спину:

– Пап, ты знаешь куда идти?

– Да уж не хуже вас. Родителям что сказали?

– Что ночуем друг у друга.

– Эх, вы. А если они созвонятся? Или решат проверить, где вы шляетесь?

– Тогда кранты, – с наигранной бодростью отозвалась Шоста.

– Наладонники не выключайте хотя бы. В зиккурате будем минут через двадцать, там они заработают.

Юстина украдкой глянула на свой. Ну да, нет сети. Об этом никто из них как-то... не подумал.

От набережной отец свернул в чашу и почти бесшумно заскользил по едва различимой тропинке. Подружки старались не отставать. Минут десять все шло нормально, впереди, среди поредевших зарослей боярышника уже замаячила темная громада моста... и тут отец замер. Одно неуловимое глазом движение, и автомат соскользнул у него с плеча и оказался в руках. Юстина остановилась. Смехнянка и Шоста врезались в нее и принялись возмущенным шепотом выяснять, что случилось. Юстина шикнула. В тишине стало отчетливо слышно, как неподалеку трещит кустарник – будто через него продирается слон. Накаркали.

– Быстрее! – отец обернулся и рванул Юстину за руку.

До моста оказалось совсем близко. Через минуту они уже мчались вверх, перепрыгивая через ступеньки. Сзади раздавалось алчное сопение и скрежет когтей по камню.

– Мамочка!.. – ахнула на бегу Смехнянка.

Юстине казалось, что лестница никогда не кончится, а рука вот-вот оторвется. Последний пролет дался особенно трудно. Наверху отец внезапно выпустил Юстину, подтолкнул в спины девочек, сурово прикрикнул:

– Не останавливаться!

В панике обернувшись, Юстина увидела, что он зачем-то что есть мочи прыгает на краю лестницы и машет руками.

– Папа!

– Кому сказал, брысь отсюда?! – гаркнул отец, не переставая скакать.

Бесформенная туша приближался тяжеловесными скачками.

– Папа!! НЕТ!

В ту же секунду ярко-алая вспышка ударила по глазам и Юстина ослепла. Вокруг, судя по звукам, творилось нечто невообразимое. Девчонки истошно визжали, чудовище выло, только отец не издал ни звука. «Папа!», – одними губами прошептала Юстина, смахивая слезы.

Когда она сумела, наконец, проморгаться, выяснились сразу два обстоятельства. Во-первых, с отцом ничего не случилось. Целый и невредимый, он медленно пятился от края лестницы под защиту хаотично мигающих разноцветных прожекторов. Их на мосту оказалось штук десять. Во-вторых, мохнатый горе-охотник, жалобно поскуливая, спешно и неуклюже ковылял прочь, вниз по ступенькам. Он передвигался на трех лапах, четвертой прикрывая морду. Юстина присмотрелась и тихо охнула – мохнатая туша оказалась не кем-нибудь, а пресловутым ведмедом.

– Га-ды! – отчетливо донеслось от подножия лестницы, и Юстина почувствовала, как покрывается холодным потом.

– Сам такой, – без заминки отозвался отец. – Проваливай, проваливай, а то в следующий раз не пожалею и из игольника пальну.

В ответ донеслось злобное рычание. С минуту шелестели кусты, затем все стихло.

«От бокового отсвета я потеряла ориентацию в пространстве. Что же почувствовал оказавшийся прямо напротив прожекторов ведмед?!»

– Пап, он ослеп?

– Минут через десять оклемается. Но вернуться на мост вряд ли посмеет.

– А что это? И зачем? – Юстина беспомощно повела вокруг себя руками.

– Это прожектора. А так же камеры, ловушки, датчики веса и движения. Одним словом, удаленный пост.

– Если бы шли без тебя, мы бы попались?

– Ловушки рассчитаны на изрядный вес, так что, за исключением цветомузыки, ничего вам не грозило. А вот прожектора странно, что сразу не включились. Датчики должны были нас засечь.

– Но включились все-таки.

– Да, после того, как я привлек внимание наблюдателей. Недопустимый бардак.

Юстина покосилась на него с изумлением.

– Привлек?

– Да. Махал руками и прыгал перед камерой.

– Перед камерой? Ясно. А где охрана?

– В зиккурате.

– Так далеко?

– Минут пятнадцать ходу. Если шустро.

– Пап, я не догоняю. По обе стороны от реки – дичь и глушь. Зачем пост?

– Не совсем так. Внешний периметр защиты зиккурата примыкает к набережной. За мостом, если сигнализация исправна, сравнительно безопасно.

– Отчего на ту сторону не протянули переход?

– Странный вопрос. Там будет резиденция правительства. Вертолеты на все случаи жизни и уединение от плебса. К тому же, туда перевезли Портал.

Юстина потупилась. Выглядеть душой всегда неприятно.

– А если бы свет не включился? – немного оправившаяся Камиля указала на прожектора.

– Тогда пришлось бы стрелять.

– А ведь этот топтыгин – наш знакомец. Настырный какой, километров пять следом топал, – задумчиво протянула Смехнянка. – Андрей Андреевич, если бы не вы...

– Знакомец? С чего ты взяла? – нервно перебила Шоста.

– С того, что у него на носу шрам. О-очень специфический. Как на лбу у Гарри Поттера.

Отец озабоченно нахмурился:

– Как у Гарри Поттера, говоришь? Значит, не случайность. Хочет жрать и не отстанет. Так, барышни, давайте-ка ж... пу в горсть и ходу. Только сначала...

Подойдя к одной из камер, он совершил руками несколько замысловатых пассивов. Прожектора мигнули в ответ.

– Что ты сделал? – робко подала голос Юстина.

– Попросил посветить еще минут двадцать.

13

Суматошное мелькание цветковых пятен осталось за спиной, глаза понемногу привыкали к сумраку. Впрочем, после береговых зарослей на середине моста казалось относительно светло. Несмотря на усталость и грозящую опасность, девчонки невольно замедлили шаг, очарованные открывшейся панорамой.

Аспидно-черная там, где не полнится отражениями, вода, невесомые листья взлохмаченными блестками кружатся на фоне пасмурно-вечернего неба. На горизонте, за изгибом реки, прорисовываются призрачные, нереально-высокие силуэты.

– Пап, что это?

– Небоскребы «Сити». Бывший бизнес-центр.

– Там кто-нибудь живет?

– Насколько я знаю, нет. Тесно, опасно, почвы неплодородные.

Высоченный склон, тронутая робкой желтизной, непроходимая с виду чащоба. Правее, на два часа, неестественным острием буравит сумеречную высь зиккурат. Вблизи он выглядит куда внушительнее, чем на планшете. Зеркальные стекла сверху вниз, с непередаваемым презрением пляшут на незадачливых путешественников.

– Птичьи горы! – С благоговейным восторгом прошептала Аня.

– Не Птичьи, а Воробьиные, – поправила Юстина.

– Вообще-то, Воробьевы, – усмехнулся одними губами отец.

На другой берег вышли, когда окончательно стемнело. Лесистый склон вырос и надвинулся, зиккурат напротив, пропал из вида.

– Девушки, фонари есть? Можно включать.

Начало подъема не показалось таким уж крутым, первые метров сто идти, несмотря на накопившуюся усталость, было даже приятно. Старая асфальтовая дорога плавно забирала вверх и вправо. Вокруг лес, ничего необычного. Только в темноте, на уровне глаз, отчетливо выделяются странно белеющие во тьме прямоугольники. Юстина не удержалась, направила на один луч фонарика. Брови у нее поползли вверх. На сучок ничем не примечательного с виду

куста оказался наколот намокший от дождя лист бумаги. На нем большими, чуть расплывшимися печатными буквами значилось «Осторожно. Окрашено».

Отец глянул из-за ее плеча, хмыкнул:

– Охрана развлекается. Делать им нехрена. Спускаются сюда на спор.

Юстина недоуменно покачала головой. Всю жизнь ей твердили, что нельзя бесцельно расходовать полезные материалы, портить нужное... и вот на тебе.

Внезапно так удачно идущая вверх дорога свернула обратно к реке. Подсвечивая себе фонарем, отец прошел чуть дальше вдоль левой обочины. Несколько раз сунулся в густую листву, что-то нашел, обернулся и помахал девчонкам. Там, где он стоял, наверх вела крутая деревянная лестница. Родитель всем весом надавил на нижнюю ступеньку, та протестующе крикнула и просела.

– Ну, разумеется, – проворчал отец и стал подниматься рядом, по земле, лишь изредка хватаясь за прогнившие перила. Девчонки двинулись следом. Принялся накапывать мелкий, но от этого не менее противный дождь. Юстина застегнула капюшон, убрала фонарик – теперь он только мешал.

Ступени закончились неожиданно. На ровной, окруженной со всех сторон лесом, заросшей высокой травой площадке. Дальше – ни дороги, ни тропинки. Пока Юстина растерянно озиралась, а Камиля бубнила что-то про обходной путь, отец решительно пересек открытое пространство и скрылся в зарослях на другой стороне. На ходу бросил:

– Исключено, по дорогам туда не попасть, – и начал шустро карабкаться вверх по почти отвесному склону.

Юстина вслед за ним миновала площадку, небрежно стряхнула со штанов дождевые капли. Достала фонарик, посветила вверх. Искривленные, уходящие в небо под невообразимыми углами стволы, переплетение корней, отсутствие травы.

– Плохая идея! – с интонацией Рона из Гарри Поттера буркнула себе под нос Юстина и начала восхождение.

Днем, в сухую погоду, подняться, вероятно, не составило бы труда.

Под дождем мокрая глина разъезжалась под ногами точно подтаявшее сливочное масло. К тому же фонарик опять пришлось убрать, чтобы освободить обе руки. Находя на ощупь покрытые ледяной водой кусты и устраивая передышки возле каждого дерева, девчонки неуклюже и медленно ползли вверх. Склон оказался настолько крутым, что временами казалось, что проще передвигаться на четвереньках, а то и ползком. Останавливала лишь мысль о том, что после ТАКОГО одежду уже не отстирать.

Где-то справа чуть слышно чертыхалась Камиля, Смехнянка что-то тихонечко бормотала или напевала себе под нос, отец перемещался молча. Понемногу сверху, сквозь листву, стал просачиваться молочно-белый, неяркий свет. «Луна в такую хмарь? Странно». Деревья все редели, кустарник исчез вовсе, цепляться стало практически не за что.

«Только бы удержаться, только бы не шмякнуться!»

Один раз Юстина обернулась. Снизу, из непроницаемой тьмы, навязчиво потянуло стылым ветерком и обреченностью бездны. Приникнув всем телом к первому подвернувшемуся стволу, Юстина несколько секунд переживала бешеное сердцебиение и липко-обморочный ужас.

«Как хоббиты, ей богу! Только бы не...» – в этот момент ноги сами собой разъехались, Юстина инстинктивно подалась вперед и приземлилась на четвереньки. Поняла, что медленно съезжает вниз, жалобно вскрикнула. Песня оборвалась, откуда-то сзади и слева показался едва различимый силуэт, Смехнянка ухватила Юстину за руку, с трудом удержала на месте. Сверху уже спешил отец. Ухватил обеих за шкурки, почти проволоки оставшиеся до верха пару метров. Вернулся за Камилей.

Идеально заасфальтированная и тщательно подметенная площадка перед оградой зиккурата вряд ли видала более оригинальных гостей. «Четыре черненьких чумазеньких чертенка», – нервно хихикнула Смехнянка. Действительно, по уши вымазанные в грязи, промокшие и обессиленные, они являли собой более чем своеобразное зрелище. Юстина запнулась, неуклюже перешагнула через аккуратный бордюр и остановилась, точно забытая кукольным марионеткой – последние несколько сотен метров она преодолела на одном упрямстве.

Округлую площадку рассекала пополам высоченная ограда с калиткой. С той стороны мягко светилась подсветка, умиротворяюще шумела вода. Казалось, там теплее, чем снаружи и даже дождь не смеет попадать за шиворот.

Над оградой завис, точно капитанская рубка, отделанный тщательно пригнанными деревянными планками куб. Окно во всю стену, внутри – три или четыре человека. Кажется, в форме. Охрана?

Залитая в центре тем самым, загадочным, удивившим Юстину молочно-белым сиянием, по краям площадка тонула во мраке. Тем не менее, стоило путешественникам ступить на асфальт, как в кубе тотчас пригас свет. К стеклу приник чей-то силуэт. При виде гостей изумленно помотал головой, шевельнул губами, видимо обращаясь к кому-то рядом, кивнул и пропал из вида. Через несколько секунд щелкнул невидимый замок и по металлической лестнице с той стороны ворот прогрохотали быстрые шаги. Калитка распахнулась, и незнакомец приглашающее замахал руками. Измученные путники не заставили себя упрашивать.

– Андрей Андреич! Где вы так извозились-то?!

– С горы катались, да салазки дома оставили, – буркнул родитель.

– Все шутите... Какими судьбами? – крепко пожимая и энергично встряхивая руку отца, тараторил встречающий. – Варвара Михайловна сказала, вы заняты, оттого с ней не полетели. И чего пешком-то?! Да еще с девочками! Опасно же! Ведмед вон прицепился!

– Так, Владик, погоди. Ты говоришь, Варвара здесь? – прервал словесный поток отец.

– А как же! Уже больше недели, с вечера того вторника.

– На чем она прибыла? На институтском вертолете?

– Никак нет. На частном, сине-рыжем таком. Да он на парковке, сами увидите.

– Увижу. И где она?

– Кто? Парковка?

Юстине померещилось, что отец сейчас схватит охранника за куртку и хорошенько потрясет. Обошлось.

– Варвара... Михайловна. Где.

– У себя, только дня два уже не выходит.

«С вечера воскресенья. Отлично. Чип, вероятно, не откликается с того же времени».

– Владик, проводи нас к ней, пожалуйста, – каким-то неживым голосом попросил отец.

– Андрей Андреич, я всегда с удовольствием, но тут такое дело, – парень замялся, – отметиться бы надо. И остальное. Вы ж по лесу не меньше часа...

– А после нельзя?

Владик маятно вздохнул, укоризненно пробубнил:

– Кому как не вам знать, почему не положено. Сами же объясняли!

– Ясно. Где?

– В караулке, там у нас планшет специальный. И кабинки.

– Идем, – нетерпеливо бросил отец, не сводя глаз со ступенчатой пирамиды зиккурата.

Гостевую книгу выдали моментально, по первому требованию бойкого Владика. Отец взялся было за стило... задумался. Быстро мазнул пальцем, пролистывая страницы, нехорошо прищурился. Юстина незаметно глянула ему через плечо. Во второй сверху строке рублено-прямоугольным, чрезвычайно знакомым почерком значилось: «Чекун Варвара Михайловна. Архитектор. Владелец квартиры. Прибытие 12 сентября». Юстина закусила губу.

Для прохождения на территорию зиккурата кроме записи в планшете требовалось подробное считывание информации с чипов, указание цели визита, уточнение, кто кому кем приходится и оформление специальных пропусков. Юстина быстро утратила чувство реальности. Оказавшись после промозглой осенней мокряди в тепле, она изо всех сил боролась с желанием прислониться к стене и закрыть глаза – опасалась оставить на светлой штукатурке грязевой отпечаток. «Четыре чертенка» и так прилично натоптали.

– Карантин? – полуутвердительно, полувопросительно осведомился отец.

Владик указал на подобие душевых кабинок, спрятанных в нишу при входе. Юстина таких никогда не видела.

– А, экспресс-диагност? – одобрительно кивнул отец. – Уже доставили? Отлично, это вам не получасовое заточение.

Сдвинул в сторону прозрачную дверцу, обернулся к девчонкам:

– Юстина в левую, Камиля в правую. Минуту стоять не шевелясь. Больно не будет.

Кроме внезапного приступа клаустрофобии Юстина не почувствовала ничего особенного. Только легкий ветерок дунул в лицо. Перед глазами зажегся зеленый огонек, дверца открылась.

«И это все?!»

Место Юстины занял отец, Шосты – Аня.

– Порядок, – через минуту с облегчением улыбнулся второй, безымянный охранник. – Осталось расписаться, и можете идти.

Отец вывел на подsunутом бланке неразборчивую закорючку, и возглавляемая разговорчивым Владиком толпа гостей покинула караулку. Охранник шустро потрусил в глубину парка, к входу в зиккурат. Каменные фонари, деревянные настилы-дорожки, ненавязчиво подсвеченная, причудливо выстриженная зелень. Очаг цивилизации. С трудом верилось, что в каких-то двадцати метрах, за оградой, на глинистом склоне не растет трава, нет намека на тропинку, стоит крошечная темень и в любую секунду может напасть какая-нибудь пробравшаяся за внешний периметр тварь.

Ступени дикого камня, высоченные двери, ни лучика света за стеклом. Владик повел их мимо и куда-то дальше, виновато объясняя:

– Всякие важные шишки явятся не раньше, чем через месяц, а пока все законсервировано. Через главный вход не пройти, двери обесточены и заблокированы. Надо в боковой.

Завернув за угол, он услужливо распахнул створку, пропуская гостей вперед. Юстина переводила недоуменный взгляд с охранника на отца и обратно. Оба отлично знакомы, причем Владик явно находится в положении подчиненного. Как? Почему? Откуда? И по поводу моста тоже неясно. Откуда отцу известно про камеры, ловушки и прочее? Похоже, сейчас не время спрашивать.

В первую секунду ей показалось, что в холле нет потолка – над головой мерцало и дышало, словно живое, звездное небо. Журчала вода, влажно пахло травой и землей.

– Погодите маленько, дождитесь, пока станет светло, а то непременно споткнетесь, – с затаенной гордостью посоветовал Владик, перемещаясь вдоль стены с фонарем в руках.

Юстина успела убедить себя, что они еще не дошли до настоящего входа, но тут охранник, озабоченно сопя защелкал выключателями, и действительность преобразилась. Плавное увеличение яркости, зажглись невидимые светильники. Небо исчезло, зато возникли бесчисленные колонны, балконы, лесенки и газоны. Вдалеке, на пологом пригорке, обнаружилась невысокая, тонколистная рябина. Рдяно-красные, тяжелые гроздья гнули ветви к земле. Травяной ковер сбегал от корней дерева вниз, к середине... гмм... холла, зала, вестибюля? Ни одно название не подходило. Юстина про себя окрестила место, в котором они очутились, «пространством». У края газона, на пересечении взглядов, обнаружился монументальный, непонятного назначения пьедестал льдисто-серого камня.

Родитель окинул его удивленным взглядом, кажется, хотел о чем-то спросить, но передумал.

Издалека приглашающе светилась обойма из четырех каплевидных лифтов. Отец почти бегом направился к одному, девчонки за ним едва поспевали.

Длинный ряд кнопок на зеркальной панели. Владик выбрал «39» и кабина стартовала. Беззвучно набрала скорость, пол стремительно понесся вниз, и через секунду Юстине показалось, что на нее обрушилось перекрытие. И тотчас второе и третье. Она отшатнулась от прозрачной поверхности и невольно пригнулась. Смехнянка слабо охнула за спиной, Шоста вцепилась в хромированный поручень и зажмурилась. Отец покосился на девчонок, не глядя нащупал на панели какой-то значок. Стекло потеряло прозрачность.

Створки бесшумно разъехались, и Юстина робко шагнула на бетонный пол. В отличие от холла, здесь еще не закончили отделку. Свернувшийся петлями у стены кольчатый шланг, забытая упаковка потолочных панелей, несколько погнутых арматурных пруты возле одной из дверей... Гулкое эхо, тишина и пустота. Запах цементной пыли и нежилыя.

– Всё доделывают, всё проверяют... р-работнички, – с хозяйственной сердитостью проворчал Владик.

Он проводил их до нужной двери, деликатно стукнул костяшками пальцев. Подождал с минуту, постучал громче. Отец покачал головой:

– Ее там нет. Можно открывать.

Охранник покосился на него с тревогой и сомнением, но возражать не стал. Послушно вставил в прорезь гостевую карту. Тихо щелкнуло, филенчатая дубовая дверь покладисто пропустила гостей внутрь. Со всех сторон вошедших окутал полумрак, только откуда-то издалека пробивался слабый рассеянный свет. Отец уверенно нашарил выключатель, по всей квартире вспыхнули светильники. Юстина на секунду зажмурилась и, ни на что не надеясь, позвала:

– Мама!

Тишина. Отец словно нехотя, не выпуская из рук автомат, двинулся вперед. Бросил на ходу:

– Побудьте здесь, лягушки. Владик, и ты с ними.

Обошел комнаты. Откуда-то из глубины квартиры протяжно и удивленно свистнул, поинтересовался:

– Это здесь какими судьбами?

– Андрей Андреич, да как же... боялись запылиться, испортится. Лично приказали временно в апартаменты перенести, до официального открытия, – преданно отрапортовал из прихожей бледный Владик.

– Кто приказал? Карим Рашидович?

– Да!

– Варвара об этом знала?

– А как же! Мне и разрешение за ее подписью показывали.

– Она не удивилась, что сюда?

– Так она тогда не знала, что это ее квартира.

– А когда узнала? Ничего не говорила?

– Нет вроде.

– Ясно. Так, никого здесь, разумеется, нет. И Варвары в частности. Проходите, девицы. Только в гостиной ничего не трогайте!

Прихожая, коридор... двигаясь на голос, Юстина первой шагнула на травянисто-зеленый пушистый ковер и остановилась в изумлении. Сзади донесся сдавленный возглас. То ли Смехнянки, то ли Шосты, то ли обеих сразу.

В центре комнаты, почти до потолка, причудливым изваянием возвышалась тонкая рама черного металла. Плоскость внутри – сплошная, текучая, глубокого темно-синего оттенка.

Не раз виденная на голограммах ткань иномирья. Ансамбль дополнял светящийся и мерцающий многочисленными огнями и диаграммами, экранами и пиктограммами пульт.

Перед гостями предстал во всей красе приведенный в «боевую» готовность Портал.

14

...Связь с другими странами после пандемии поддерживалась крайне недолго и через несколько месяцев прервалась раз и навсегда. Соседние города отвечали на вызовы немногим дольше. Жители Подмосковья частью переселились на «острова», частью сгинули в неизвестности. Первое время вертолеты рыскали в окрестностях и подбирали тех, кто выжил и сумел уцелеть. Таких оказалось немного. Когда закончилось топливо и винтокрылые машины не смогли больше взлететь, отдельные смельчаки принялись устраивать пешие вылазки. Мало кто из них вернулся обратно.

Экономика трещала по швам. Повсеместно царили нищета и голод, не хватало квалифицированных специалистов и грамотных управленцев. Цены на жилье упали до нуля – действительно, сколько может стоить то, что окружает тебя со всех сторон и не пользуется спросом? Зато цены на услуги, на все, что произведено руками и тем более на изготовленное на конвейерах скакнули до заоблачных высот.

Несколько лет мародеры наживались на разграблении брошенных домов. Впрочем, с появлением изобретательных, воинственно настроенных, а главное, постоянно голодных хищников этому выгодному и малозатратному бизнесу пришел конец. Теперь усилия каждого жителя были направлены на строительство как можно более неприступных и крепких стен вокруг «островов». В ход шли бетонные плиты, листы кровельного железа, колючая проволока. Материалов катастрофически не хватало, то здесь, то там образовывались бреши, мутанты прорывались за периметр. Люди гибли один за другим.

Через пару лет ситуация ненадолго стабилизировалась и даже немного улучшилась. Стены непрестанно приходилось ремонтировать, но от большинства хищников они более-менее защищали. Перестал грозить голод – выращенного на импровизированных делянках с избытком хватало на всех. Не деликатесов, разумеется, но нормальной, более-менее разнообразной еды. Немногие оставшиеся в живых предприниматели из всех сил старались реанимировать заводы и фабрики. Удалось наладить выпуск компьютеров, кое-какой одежды, медикаментов.

Лет через пять обнаруженные на складах запасы древесины, пластика, металла, стекла и прочего почти закончились, и заводы снова встали. Тех, кто умел худо-бедно смастерить из подручных материалов кровать или сшить платье, еще можно было найти, но более сложные предметы обихода день ото дня становились все дороже и недоступнее.

Кроме всего прочего не хватало электричества. Ветроэнергетика и малочисленные солнечные батареи не могли решить проблем, горючее давно закончилось.

Городу грозила окончательная катастрофа... и тут появились ОНИ.

О судьбоносной, перевернувшей жизнь москвичей встрече мало что известно. По рассказам немногочисленных очевидцев, в один прекрасный день среди брошенных домов ПО ТУ СТОРОНУ барьера показались три подозрительные личности. Пожилой мужчина, молодая женщина и худощавая старуха с гордо посаженной головой. Путники вели себя удивительно – не мчались в ужасе, не волокли раненных, не выглядели уставшими и голодными. Бедно, но опрятно одетые, вооруженные лишь недлинными клинками, все трое излучали мощную, спокойную силу.

Незнакомцы приблизились к одной из городских застав и вежливо попросили впустить. Дежурный охранник, напуганный странным поведением, загадочным акцентом, а пуще

того диковинной, невозможно-треугольной формой ушей незваных гостей, ворота не открыл, а помчался за начальством. Внушающее опасения трио, по-прежнему не проявляя признаков нетерпения, беспокойства или агрессии, осталось снаружи.

После долгих переговоров начальник охраны разрешил чужеземцам войти... и тотчас отправил их под замок, в карантин. Лишь на следующий день пленникам разрешили покинуть импровизированную тюрьму. Правда, охрана не оставляла их без присмотра ни на секунду.

Треугольноухим разрешили совершить небольшую прогулку по острову. Безмятежная, уверенная в себе, ничуть не обескураженная негостеприимностью горожан троица с интересом осматривалась и обменивалась едва слышными репликами на непонятном наречии. Враждебности гости не проявляли, но оружие отказались сдать категорически. С полчаса они бродили по «острову», затем их доставили к старейшине.

Краткая беседа за закрытыми дверями привела к появлению в общине представителей каждого из «островов». Большинство из них собралось меньше, чем за сутки. Совещание длилось не один час, после чего стороны по обоюдному согласию устроили перерыв на несколько дней – поразмыслить и обсудить услышанное. За это время гости ни разу не покинули предоставленного им жилья и не принимали посетителей. Кто они и откуда держалось в строжайшем секрете.

Результатом второй, не менее продолжительной встречи стало совместное выступление таинственных пришельцев и старейшин «островов». Впрочем, говорили в основном чужеземцы, точнее один из них.

Запись выступления до сих пор хранится в архиве каждой общины, Юстина, как и любой житель города, помнит ее содержание почти дословно.

Гости назвались диковинными именами. Старший магистр Айрен, старший магистр Янтра, магистр Лайне.

Первоначальное впечатление не обмануло, прибыли они из далекого далека. С другой планеты.

Еще до пандемии учеными высказывалась фантастическая теория о существовании Антиземли. О планете-близнеце, которая вращается по той же орбите, что и Земля, но всегда скрыта от нее солнцем. Подвергнутая в свое время критике теория, как ни странно, оказалась верна. Именно с Антиземли (Глории, как нарекли ее ученые) и прибыло загадочное трио.

Старший магистр Айрен в двух словах объяснил, что древние земляне, куда более продвинутые в изобретательстве, чем их потомки, измыслили невероятно сложную вещь. Пространственные Порталы, которые осуществляют мгновенное перемещение между планетами-близнецами. Давным-давно часть землян сквозь эти самые Порталы ушла на Глорию и осталась там навсегда.

– К сожалению, лет через сто между нашими предками случилась ссора, в результате которой Порталы пришлось заблокировать. С тех пор пути цивилизаций практически не пересекались. Впрочем, глориане время от времени наведывались на Землю ради кругосветного путешествия или экскурсий. Последний, состоявшийся полгода назад визит поверг моих соотечественников в шок и смятение – в процветающем прежде, а ныне заброшенном городе им встретились лишь несколько насмерть перепуганных людей и полумразные животные-мутанты. В панике, боясь заразиться смертельно опасным вирусом, туристы поспешили вернуться домой. Выслушав их, наши власти как можно детальнее вникли в суть того, что произошло и решили отправить несколько делегаций в близко расположенные к Порталам населенные пункты.

Янтра едва заметно кивала в такт речи магистра, платиноволосая Лайне, сложив на коленях скрытые длинными рукавами кисти рук, с интересом изучала обстановку в зале.

– В каком-то смысле мы – ваши невероятно дальние родственники и, быть может, должники, – своеобразно, рублено выговаривая слова, продолжал магистр Айрен, – Поэтому

считаем своим долгом помочь по мере возможностей. Сразу оговорюсь, возможности эти, в силу особенностей развития нашей цивилизации, весьма ограничены. Дабы сохранить экологию своей планеты, мы добровольно отказались от промышленности, запретили изобретательство и искусственно не позволили нашему миру совершенствоваться. Если провести параллели, развитие нашей цивилизации замерло на эпохе, близкой к вашему средневековью. Порталы и иные немногочисленные доставшиеся нам от ученых предков диковины не в счет – их осталось мало, и тайна воспроизведения большинства из них утеряна навсегда. Итак, учитывая данные обстоятельства, глориане могут предложить два вида помощи.

– Очень действенных, спеишу заметить, – встрял лысый, неопределенного возраста толстяк в клетчатой жилетке.

Магистр покосился на него и продолжил:

– Чуть позже поясню, о чем речь. А пока что должен сообщить, что глориане собираются предоставить вам возможность, под контролем, разумеется, пользоваться двумя Порталами, грузовым и пассажирским. Кратко растолкую, в чем различие. Через грузовой Портал возможна передача неорганических веществ или мертвой органики. Например, тарелки борща.

Сравнение вызвало смехи в зале.

– Вы неплохо знакомы с нашей кухней! – донеслось из толпы.

– Не только с ней, – улыбнулся Айрен. – Насчет пассажирского, думаю, объяснений не требуется.

Сдержанный одобрителный гул послужил ответом.

– В таком случае, вернемся, собственно, к помощи. Во-первых, и для этого потребуются грузовой Портал, мы готовы поставлять на вашу планету некое сырье. Речь идет об особых полимерных водорослях, которые после обработки способны служить как материалом для изготовления всевозможных предметов быта, например прозрачного бронепластика, так и в качестве топлива. Технологией производства мы вас, разумеется, обучим. Во-вторых, предоставим некоторым из вас возможность переселиться на Глорию.

Какое-то время в зале творилась форменная вакханалия, некий фрагмент которой на записи отсутствовал. После пропуска картина изменилась. Стихли возбужденные выкрики, вопросы и нервные смехи. Айрен и обе дамы невозмутимо выжидали.

– Можно дальше? – осведомился в наступившей тишине магистр. Сам себе кивнул и продолжил: – К сожалению, существуют некоторые проблемы. Первая касается Порталов. Один, грузовой, находится совсем недалеко, на Лосином острове. С его доставкой проблем не будет. С пассажирским хуже. Он спрятан в лесу, в 15 километрах от МКАДа и для удобства использования его тоже необходимо перевезти. Впрочем, думаю, после того, как появится топливо, это не составит большого труда. Вторая проблема относится к области... скажем так, финансов. С ней вас ознакомят... – магистр на секунду замялся, будто забыл нечто важное, – главный советник и староста Кремля.

Из-за стола поднялись и слегка поклонились высокий худощавый господин со впалыми щеками и тот самый лысый толстяк в жилетке. Этакие Дон Кихот и Санчо Панса. Щеки коротышки до сих пор пылали, глаза бежали. Худощавый господин сообщил, что будет создана специальная комиссия. Она займется справедливым распределением между общинами водорослей и изготавливаемых из них предметов. Так же господин клятвенно заверил, что стоимость перемещения через Портал будет единой для всех, без скидок на возраст или профессию. В ответ раздались неуверенные аплодисменты.

На этом странная, будто снимаемая одновременно с десятка точек запись обрывалась.

Впрочем, Юстина знала, что на встрече обсуждался еще один вопрос.

Взамен обещанного, инопланетные гости попросили некую безделицу – уступить в долгосрочную аренду заброшенный автомобильный завод за пределами городской черты. При этом

они давали слово, что никаких вредных веществ ни в атмосферу, ни в реку, ни в землю их производство выделять не будет.

История завода была коротка и безынтересна – после пандемии он проработал крайне недолго. Один предприимчивый человек прибрал было его к рукам и попробовал наладить выпуск легковушек, но быстро осознал, что они никому не нужны. Не расширять же переходы, не растаскивать ужасающие завалы на улицах? Да и преодолевать трех-четырёх километровые дистанции проще пешком или на велосипеде. В крайнем случае, на мотоцикле. Тогда же завод пытались перепрофилировать под выпуск чего-нибудь полезного. Не вышло. Территория в излучине реки осталась не у дел.

Плата за предоставленные блага выглядела смехотворной и гости, разумеется, не услышали ни единого возражения.

Порталы перевезли на вертолете буквально через неделю. Грузовой – на облюбованный гладиаторами завод, с которого теперь доставляли на «острова» водоросли. Пассажирский – в Кремлевскую общину, в самый центр города.

Магистр Айрен не обманул. Получаемый из водорослей материал оказался легким, прочным, пластичным. Не слишком красивым, зато поддающимся переработке и, как выяснилось в последствии, экологичным – через пятьдесят лет разлагался на безвредные элементы. Мечта, а не материал. Уже через месяц после выступления Айрена из удивительных водорослей начали изготавливать мебель, одежду, корпуса наладонников. Со временем обновили, сделав их прозрачными и непрístupными, стены «островов» и переходов.

Адаптированные под новое горючее, впервые за последние несколько месяцев в воздух поднялись вертолеты. С их помощью рейнджеры сумели добраться до Калуги и Рязани, Костромы и Ярославля, Твери и некоторых других, несильно удаленных от Москвы городов. Везде царил запустение, лишь в Туле и Ярославле сумели выжить несколько сотен человек. Им помогли переселиться на Московские «острова».

Особо отчаянные пытались добраться до Питера. Никто из них не вернулся. То ли сгинули в лесах, то ли не нашли горючки на обратную дорогу.

За переписку с уцелевшими городами и другими странами гладиаторы заломили несусветную цену, поэтому от идеи восстановления разорванных связей пришлось отказаться.

Озвученная в рекламе стоимость переселения тоже показалась большинству астрономической. Лишь для считанного числа людей она выглядела приемлемой. Впрочем, со временем водоросли оживили экономику, позволил многим прилично зарабатывать, накапливать нужную сумму и уходить следом за первыми переселенцами. Уйти хотелось буквально каждому.

В рекламе то и дело мелькали счастливые лица побывавших на «той стороне» известных людей, тех, кто мог себе позволить несколько путешествий туда и обратно. Восторженные рассказы очевидцев сменялись потрясающей красоты пейзажами. Заманчиво мерцали светильники на уютных, мощеных булыжником улочках, на покрытых белоснежными скатертями столах ожидали страждущего кувшины с домашним вином, теснились тарелки со свежим хлебом и жареным мясом, незнакомыми фруктами и овощами. Дети с восторженным визгом носились по белопесчаному речному пляжу. Умильные, похожие на крупных, с лисьими хвостами коты зверьки мышковали на полях, ластились к хозяевам, стерегли младенца в колыбели.

Нетронутая человеком экология, чистейшие вода и воздух. Благодать.

Семьи Смехнянки и Шосты накопили необходимые суммы и через два месяца навсегда уйдут на Глорию.

Дедушка с бабушкой, родители отца, больше года склоняли сына с семьей поменять место жительства. Обещали спонсировать полтора перехода, убеждали, умоляли. Отец оставался непреклонен – не хотел одалживаться, да и профессию менять не желал. В конце концов, дедушка с бабушкой ушли одни. Вот уже четыре года они ежемесячно переписывались

с внучкой, невесткой и сыном. За это время обустроили небольшой двухэтажный домик неподалеку от центра поселка, разбили огород, завели себе ручного кошлись, того самого зверька с лисьим хвостом. Юстина завидовала втайне, но без родителей переселяться не хотела.

Впрочем, и на Земле дела шли неплохо. Благодаря вмешательству глориан, жизнь за последние лет пятьдесят совершенно преобразилась. Заново открывались заводы, снижались цены, повысилась безопасность. Лишь заросшие развалины старых домов и могильники по-прежнему напоминали о кошмарах пандемии.

Долгое время пассажирский Портал, используемый для перемещения на Глорию и обратно, находился в Кремлевской общине, но недавно, незадолго до окончания строительства зиккурата, новой резиденции правительства, его местоположение решено было изменить. Ради безопасности это делалось или по каким-то иным соображениям, осталось неизвестным. Впрочем, те, кто мог и желал уйти на Глорию, по-прежнему им пользовались, препятствий никто не чинил.

Оказывается, временно Портал поместили не куда-нибудь, а в подаренную матери квартиру.

15

... – Батюшки, это ж сколько энергии пропадает! – ахнул Владик, бросаясь к пульту. Сложная последовательность нажатий – и пелена исчезла, мерцание сошло на нет.

Внимательно осматриваясь, отец прошелся до окна, по старой привычке присел на подоконник. Чумадые, смертельно уставшие девчонки столпились у входа, не зная, что сказать, что сделать, куда себя деть.

Юстина обежала взглядом гостиную. Девственно чистый стол, диван с креслом, планшет... что-то зацепило внимание. Круглый отпечаток на лакированном подлокотнике кресла. «Где он? Не здесь». Юстина незаметно отступила за спины подружек и прокралась на кухню. Стакан нашелся в раковине. С многочисленными размазанными отпечатками маминой помады. И бутылка виски на столе. В ней оставалось немного. И еще две опорожненные валялись на полу.

«Человек не может столько выпить в одиночку. Даже за неделю. Тем более, мама вообще не пьет!»

Юстина потихоньку вернулась в гостиную. Отец и Владик что-то обсуждали вполголоса. Девчонки, избавившись от курток, расположились на диване и делали вид, что разговор их совершенно не интересует.

Внимательно осматриваясь, она прошла по комнате, присела на корточки. Плинтус, ворс ковра... возле ножки стола что-то валяется. Юстина протянула руку. Коричневая, такая знакомая пуговица.

– Папа, посмотри!

Осторожно, словно ядовитое насекомое, он забрал находку.

– Мамина?

– Да. От пиджака.

– Вырвана с мясом. Что бы это значило?

Охранник недоуменно пожал плечами и от комментариев воздержался.

– Так. Ясно, что ничего не ясно. Следов драки нет, зато есть оторванная пуговица. Вопрос к тебе, Владик. Могла ли Варя... Михайловна уйти отсюда так, чтобы этого никто не заметил?

– Через караулку она не проходила, периметр просматривается, вертушка на месте... если только через Портал?.. Только как? Туда же только по 11-ым числам отправляют.

– Тем не менее, Портал был активирован, – едва слышно пробормотал отец.
Владик маетно вздохнул.

– Скажи... кто-нибудь ее навещал?

– Сложно сказать. Через караулку многие туда-сюда... рабочие, строители, начальство. Правда, Варвара Михайловна отсюда вроде бы почти не выходила. Пару раз от силы. И все время была одна, на виду, в парке.

– А что с камерами?

– Сейчас проверим, Андрей Андреич, – охранник вернулся к пульту и его пальцы вновь забегали по сенсорной панели. Так, вот камеры возле входной двери. Включают запись только во время движения или на звук. Это она гулять выходила... это тоже... а вот это день прибытия. Воскресенье, 18.23.

– Покажи, – глухо попросил отец.

На одном из экранов появилась филенчатая дверь со знакомым номером. Зацокали быстрые шаги, и появилась до слез родная спина, обтянутая рыжим замшевым пиджаком. Мама. Такая, как всегда. Только юбка почему-то порвана от колена до самого низа.

«Что за?..», Юстина невольно качнулась вперед.

Мама привычным, машинальным жестом подставила плечо считывателю замка... и тут началось необъяснимое. Уже открыв дверь, она помедлила на пороге, вдруг развернулась и, взглянув прямо на камеру, срывающимся голосом выкрикнула: «Будьте вы прокляты, паразиты!», всхлинула, испуганно оглянулась, вжала голову в плечи и шмыгнула внутрь. Дверь захлопнулась.

Несколько секунд отец молчал. Затем сдавленным голосом поинтересовался:

– Окна?

Ошарашенный не меньше остальных Владик кивнул:

– Уже смотрю. Всего две записи. Ночь с прошлого воскресенья на понедельник. Одна запись в 23.53, другая в 5.49. Показывать?

– Давай.

Плохо видно, черно-белая картинка. Мама с полным стаканом чего-то. Должно быть, того самого пошла из бутылки. Волосы в беспорядке, на глазах слезы. Приблизилась к стеклу, отсутствующим взглядом скользнула по парку за окном. Внезапно застыла, словно заметив что-то ужасное. Испуганно шарахнулась в глубину кухни.

Запись обрывается.

Почти шесть утра. Окно гостиной, смутное холодное свечение где-то в глубине. В подоконник вцепилась тонкая рука со знакомым маникюром и обручальным кольцом. Тем самым, из пропавшей икатулки.

«На моей памяти мама его ни разу не одевала!»

Вслед за рукой с пола с трудом поднимается хозяйка. Глаза сумасшедшие блестят, бронзовые кудри растрепаны больше прежнего. Пиджак куда-то делся, на рукаве блузки – несколько алых пятен. Мама отрицательно мотает головой, произносит несколько слов. Такое впечатление, что она спорит с кем-то невидимым. Нехотя, с трудом отлепляется от подоконника, делает несколько шагов и пропадает из вида.

Больше ничего.

– Откуда кровь?

– Носовое кровотечение?

– Все может быть, – едва слышно пробормотал отец и повернулся к Владиду: – Утром в понедельник она еще была здесь. Часть записей не могли изъять?

– Исключено, за всем следит автоматика, камеры наблюдают за камерами, везде датчики движения. Не охвачена только квартира. Как частное владение.

– Значит все-таки Портал.

– Выходит, что так, – Владик развел руками.

– Три загвоздки – во-первых, ей нечем было оплатить переход. Мы, конечно, кое-что накопили за последние годы, но... – отец быстро пробежал пальцами по наладоннику, – все на месте. Эта квартира тоже по-прежнему числится за Варварой. Во-вторых, как ты справедливо заметил, одиннадцатое число миновало, а переселение возможно лишь раз в месяц. Ну а в-третьих... с чего бы вдруг? Вот так внезапно, спьяну, никого не предупредив? Бред!

Охранник только пожал плечами:

– Понятия не имею, Андрей Андреич.

– Слушай, а Портал? Он должен хранить информацию о переходах.

– Точно, сейчас посмотрю.

Владик набрал некую сложную комбинацию. Нахмурился и попробовал еще раз.

– Не выходит?

– Выходит, но странное. Потрачена прорва энергии. На два или три перехода. И никаких следов регистрации.

– Одним словом, кто воспользовался Порталом не установить?

– Похоже на то.

– Дай-ка я попробую.

Охранник с готовностью уступил место, и отец принялся набирать одну команду за другой. Минут через пять он покачал головой:

– Чисто.

– Стерто?

– Не только из постоянной памяти, но и из кэша. Ни малейших зацепок и это совсем странно. Варвара вряд ли сумела бы столь виртуозно замести следы.

– Кроме нее здесь никого не было.

Отец насвистел незатейливую мелодию, побарабанил пальцами по подлокотнику.

– Ну да, ну да... Скажи, а ничего необычного в ее поведении вы не заметили?

Владик покосился на экран и неуверенно ответил:

– Как сказать... Она, когда прилетела, спокойная вроде была, даже улыбалась. А у самой на щеке царапина, юбка порвана... Карантин потребовала. Рассказала про квартиру и отправилась спать. И на следующий день ничего такого. Печальная только ходила, тихая, пришибленная какая-то. Обычно-то шутит, смеется. Мы еще с мужиками удивлялись – такую хату отхватила, радоваться надо, а она... Трезвая однако была всю неделю, это точно. Вечером воскресенья по саду прошлась, на скамеечке посидела, сюда вернулась и не выходила больше. Пропала, оказывается. А мы-то думали, обустройством занялась. Шторы там заказывает, скатерки всякие. Потому и не встревожились, не искали, записи не проверяли.

– Спасибо за помощь, – сдержанно произнес отец. – Нам бы отдохнуть... здесь можно?

– Разумеется, Андрей Андреич, это же ваша квартира. Постельное белье в шкафу, а все, что нужно, заказывайте, пожалуйста, не стесняйтесь. Синтезатор на кухне, – охранник помедлил немного, будто соображая, чем еще помочь, не придумал и направился к выходу.

– Владик! – окликнул отец, – еще одно. Вертолет завтра к семи утра. Сделаешь?

– Обязательно, Андрей Андреич, – с готовностью обернулся тот. Попрощался и вышел.

Юстина ожидала объяснений или, по крайней мере, совместного обсуждения. Вместо этого отец непререкаемым тоном скомандовал:

– Так, путешественницы, долгий день закончился. Ужинать, на горшок и спать. Стелите постели и приводите себя в порядок. Через пятнадцать минут жду на кухне. Кстати, киньте куртки и штаны для образца – я ужин и новую одежду в синтезаторе смастрячу.

В ванной на стене обнаружился плакат: «Проезд разрешен только на сидячих местах!». Шутник со странным чувством юмора порезвился и здесь. По крайней мере, почерк тот же. Юстина хмыкнула и пожала плечами.

С кухни донесся изумленно-огорченный свист – без сомнения отец обнаружил следы разгула. Впрочем, когда девчонки, избавившись от грязной одежды, собрались к ужину, все оказалось чисто прибрано. О пустых бутылках родитель ни словом не упомянул.

Вполне съедобные, даже вкусные картофельная запеканка и овощной салат исчезли в мгновение ока.

«Мама права, со школьным кошмаром не сравнить!»

Вконец обессиленные и разморенные, девчонки допивали чай, когда наладонник отца разразился тревожной барабанной дробью. Послушав несколько секунд чей-то захлебывающийся от эмоций голос, родитель задумчиво пророкотал в ответ:

– Что вы, Эмма, какие хлопоты? Девочки поужинали и собираются спать. Дать вам Камилю? Нет?

Шоста непроизвольно втянула голову в плечи.

– Да, разумеется, передам! И вам спокойной ночи.

Отец дал отбой и покосился с усмешкой:

– Камиля, тебе велено на ночь хорошенько почистить зубы и не забыть вынуть линзы.

У Шосты вспыхнули уши, она через силу кивнула. Родитель мельком глянул в наладонник:

– Одиннадцатый час. Завтра с ранья обратно. Хватит чаевничать, давайте-ка на боковую. Смехнянка и Шоста без возражений поплелись в одну из спален, отец остался на кухне.

16

Юстина честно застелила узкую кушетку в кабинете. Умылась, легла... и поняла, что уснуть, несмотря на перенасыщенный событиями день, вряд ли получится. Стараясь не шуметь, вышла в гостиную, осмотрелась. Темно и тихо, обесточенный прямоугольник портала в центре, пульт управления подмаргивает единственным индикатором.

На кухне что-то грохнуло и покатилося, отец чертыхнулся вполголоса. Юстина непроизвольно замерла, в нерешительности переводя взгляд с приоткрытой кухонной двери на Портал и обратно.

– Что ты там прячешься? – негромко окликнул отец.

Феноменальная способность родителя слышать и замечать все, что происходит вокруг, давно перестала ее удивлять. Тихонько вздохнув, Юстина заглянула на кухню.

Отец восседал за барной стойкой. Камуфляж сменили футболка и джинсы, босые ступни попирают перекладину высокого, обитого кожей стула. Двухдневная щетина, осунувшееся лицо.

– Не спится?

– Неа. пап, поговори со мной.

– О чем?

– Тебя знает охрана.

– Знает, – исподлобья глядя на нее, согласился отец.

– Тебе отлично знакомы окрестности.

– Точно.

– Откуда?

– Ох, Юстик, любишь ты задавать вопросы! – он устало потер переносицу. – Оно тебе надо?

– У мамы секреты, у тебя... Тоже в один прекрасный день исчезнешь?

– Вряд ли.

– Не хочешь, не говори! – она сделала вид, что уходит.

– Сядь.

Юстина присела на угол стола, подальше от отца.

– Четыре года назад начали готовить площадку под строительство зиккурата. Вырубили лес, возвели забор... не отвечающий правилам техники безопасности. Через несколько дней пропали два человека – водитель и разнорабочий. Их искали, но не нашли. Затем исчезла повариха. На нее через неделю наткнулись ребята со стройки... Точнее, не совсем на нее... на то, что осталось.

Отец сбился и надолго замолчал. Юстина старалась на него не смотреть. Побряцав ложкой по столу, он вздохнул и продолжил:

– Карим Рашидович, мамин начальник, остановил стройку, эвакуировал людей и вызвал нас.

– Кого «нас»?

– Рейнджеров.

– Пап, поправь, если я ошибаюсь. Ты – биолог-аналитик, специалист по мутациям. Из кабинета не вылезает.

– Да. Последние лет десять.

– А до?

Отец невесело хмыкнул:

– А до – был самым что ни на есть практиком. Неделями рыскал по лесам в поисках приключений. Даже прозвище заработал.

– Какое?

Отец глянул с вызовом, буркнул смущенно:

– Дрон.

– Что, тот самый?!

– Других вроде не было.

«Смехнянка с ума сойдет, если узнает».

– Ладно, в прошлом ты известный рейнджер, крутой мутантовед... со своей командой?

– Команда и сейчас по лесам шастает. Док и Кэп. Еще мальчишек на смену готовят. А я обрабатываю данные.

– И вы, все вместе, стали помогать маме и ее начальнику?

– Да.

– Чем, позволь узнать? Охраняли стройку?

– Юстик, – разочарованно вздохнул отец. Так он обычно вздыхал, когда дочь в очередной раз намертво застревала в хитросплетениях геометрии или истории. – Охраняет охрана. А мы изучаем мутантов и знакомы с ними не понаслышке. Зиккурат обособлен, он изначально строился в зоне повышенной опасности, а Варвара и Карим Рашидович не сразу осознали, насколько все серьезно. Забор вокруг возвели всего два метра высотой и совсем не заглубили в землю. Отсюда подкопы. Сначала из любопытства, затем из гастрономических соображений.

– Мама оказалась виновата?

– Не только и не столько она. Скорее те, кто отвечал за безопасность и согласовал ненадежный периметр. Многие. Даже староста и советник.

– И дальше?

– За несколько месяцев мы с ребятами разработали правила техники безопасности для рабочих и строителей. Объяснили, каким должен быть забор и проследили, чтобы инструкции были исполнены в точности. Превратили здание в абсолютную, полностью автономную крепость. Каждое помещение при желании может стать полностью изолированным и неприступным, из каждой квартиры можно выбраться на крышу, на вертолетную площадку. Еще защитная система на мосту. Сегодня она спасла нам жизнь.

– Жертв больше не было?

– Еще одна, спустя три месяца. Погиб небезызвестный тебе Виктор, сын бабушки Риммы. Восемь человек патрулировали внешний периметр. Виктор немного отстал, на него напал какой-то крупный зверь и растерзал в несколько секунд, буквально на глазах у остальных.

– Это все?

– Да.

– Ты тоже патрулировал?

– Всего пару раз, когда требовалась замена.

– Великий Ингра!..

– Сколько раз говорить, оставь бога остроухих в покое!

– Прости, пап.

Она с шумом выдохнула.

– Отлично, история поразила мое неискушенное воображение. Только объясни пожалуйста, – ты больше трех лет работал вместе с мамой. Почему никто из вас, ни разу ни словом об этом не обмолвился?!

– Существует такая штука. Неразглашение. До окончания строительства, согласно контракту, мы обязаны были молчать.

– А теперь?

– Теперь строительство завершилось и секретности стало чуть меньше. Все, иди спать, Юстя. Завтра рано вставать.

Спать она не пошла. Вернулась в гостиную, плотно прикрыла дверь. Зажгла верхний свет, подошла к Порталу. Осторожно потрогала раму, посмотрела под ноги. Так и есть – на светлом, изрядно затоптанном ковре виднеются слабо различимые бурые разводы. В спешке замытая кровь.

Ни на что не надеясь, Юстина пробежалась пальцами по сенсорной панели. Мягкий женский голос без выражения осведомился:

– Набранная команда не имеет смысла. Требуется помощь?

Юстина сглотнула, передернула взмокшими лопатками:

– Я хочу активировать Портал.

Поочередно вспыхнули и погасли несколько квадратов. Юстина на всякий случай постаралась запомнить, но не смогла.

Тускло загорелось несколько апельсиново-оранжевых огоньков. Портал внезапно ожил, внутри прямоугольника возникло сиреневое свечение. Померцало некоторое время и сменилось знакомой, непроницаемой, темно-синей текучестью.

– Портал готов к работе.

Боясь передумать и потому не мешкая ни секунды, Юстина зажмурилась и решительно вдвинулась в густую, непрозрачную синеву. Сделать удалось ровно два шага. На третьем движение упруго остановило что-то вроде вертикально натянутого батута. На несколько секунд Юстина замерла, успокаивая бешеное сердцебиение, затем медленно приоткрыла один глаз. По ту сторону невидимой преграды неспешно угасал благостный осенний вечер. Волновались на ветру охряные поля, последние лучи заходящего светила красили медовой желтизной белевые стены стоящих в отдалении домиков. Над черепичными крышами живописно нависали ветви коренастых, низкорослых деревьев. В сторону поселка, прямо из-под ног, вилась ровно утоптанная земляная тропинка. Пастораль. Только пресловутых хоббитов не хватает.

Юстина осторожно надавила на невидимую преграду. Тот же голос с намеком на настойчивость посоветовал:

– Внесите оплату.

– Сколько?

Озвученная цифра ничем не отличалась от стандартной, фигурировавшей во всех рекламных роликах и каталогах.

– Как я могу пройти через портал без оплаты? – на всякий случай поинтересовалась Юстина.

Секундная заминка.

По плечу словно пробежало невесомое перышко. Глубокое сканирование. Ага.

– Чип идентифицирован. Назовите код.

– Что за код?

– Несоответствие кода. Попробуйте еще раз.

– Один, два, три!

– Несоответствие кода. В доступе отказано. Переход невозможен.

– Что необходимо сделать для получения кода?

– Нет ответа.

– И на том спасибо, – буркнула Юстина и попятилась обратно в гостиную.

Четверг, 21 сентября

17

6.30 утра, еще не рассвело. Разлепить веки после пятичасового сна – задача не из легких. В ушах шумит, голова отказывается соображать.

Мельком взглянув на сок и омлет, Юстина без аппетита сжевала половинку тоста и направилась в прихожую за курткой и ботинками. Пока выспавшиеся Аня и Шоста завтракали, она от нечего делать вышла на улицу. Постановочная красота каменных лестниц, неизвестной породы деревьев и неглубоких водоемов в иное время привела бы неизбалованную роскошью Юстину в восторг. Только не сегодня. Впрочем, прогулка все равно принесла пользу – мысли прояснились, а туман перед глазами почти рассеялся.

За углом взвыли винты. На ходу запихивая в карман перчатки, она поспешила к вертолету. Тому самому, синему с оранжевым, на котором сюда прилетела мама. Девчонки уже расположились на заднем сидении и с интересом озирались. У приоткрытой дверцы отец что-то, помогая себе жестами, втолковывал заспанному Владику. Тот пожимал плечами и разводил руками – не слышал за гулом. Отец забрался в кабину, выключил двигатель, высунулся наружу:

– Я про мост. Почему датчики движения не сработали?

– Так мы их того, отключили. Задолбали, мигают все время.

– Мо-лод-цы. А весовые на какую массу установили?

– Килограмм на шестьдесят.

– Врешь. Я по ним скакал как кенгуру.

– Ну, может, на семьдесят.

– На все девяносто. Сделайте двадцать, а лучше меньше. И движение включите.

– Зачем? Со стороны города ничего опасного не приходит. Вот шишки понаедут, тогда настроим. На всякий случай.

– Опасного не приходит, говоришь? – со странной интонацией переспросил отец.

– Ну да. Лисы там, барсуки, зайцы. Их, что ли отпугивать?!

– И их тоже.

– Андрей Андреич, они знаете, какие любопытные? Ходят и ходят. Вы бы повскакивали по тревоге шесть раз за ночь, – укоризненно пробасил Владик. – Ребята реально не выдерживают, двое уже уволились. Рейнджеры, между прочим.

– Сдается мне, давненько ты зайцев не видел. И не только их. Ответь-ка, бесстрашная охрана, что лучше, недоспать или быть сожранными? – вкрадчиво осведомился отец и указал подбородком на ограждение парковки.

Юстина глянула и обмерла. Просунув сквозь частые прутья кожаный нос, с той стороны к ограде приник кофейно-шоколадный «Бу!». Здоровенный зверь неподвижно скорчился под развесистым кустом, шкура ведмеда по цвету сливалась с пожухлой листвой. Без подсказки Юстина бы его ни за что не заметила.

– Мало тебе вчерашнего? – словно у нерадивого школьника, сурово поинтересовался у топтыгина отец. – Быстро домой, и чтобы духу твоего...

Договорить он не успел – совсем рядом что-то оглушительно бабахнуло. И еще раз, и еще. Юстина от неожиданности ойкнула и прикрыла голову руками, девчонки высунулись из-за отцовской спины. Ведмед с удивительным для его комплекции проворством выбрался из-под куста и скатился вниз по склону. Снизу пару раз донеслись глухие удары и взрыкивания – во время скоростного спуска мишка встречался с деревьями.

Влад продолжал иступленно палить, пока не кончились патроны. Лицо его побелело, глаза сделались совершенно безумными. Дождавшись тишины, отец выпрыгнул из кабины, подошел, осторожно разжал судорожно сведенные пальцы, отобрал оружие:

– Хватит, он уже далеко.

– Это он! Он Витьку задрал!

– Ну почему обязательно...

– Точно он! У него шрам на морде, я запомнил! – истерично выкрикнул Влад.

– Какая разница, он, не он, – жестко и раздраженно оборвал отец. – Важно, что крупный хищник, вопреки твоим заверениям, нарушил периметр, перебрался через мост. Датчики его не засекли, сигнализация не сработала. А вы, как последние м... даки, к реке спускаетесь, плакаты дурацкие развешиваете. Сколько раз объяснять? Они умнее животных. Некоторые интеллектом не уступают человеку. Переключай мозги, соображай, как он ловушки миновал? Перепрыгнул? Обошел?

Юстина вспомнила, как они вчера в полной темноте карабкались вверх по склону... и крепко зажмурилась.

18

Ночные события, запоздалый ужас после очередной встречи с «Бу!», покачивание кабины и монотонный гул двигателя действовали не лучшим образом. Во время полета Юстина то и дело клевала носом, а под конец и вовсе задремала на плече у Камили. По пути от дома бабы Риммы до школы она почти проснулась, но в тепле и духоте класса снова сомлела. Уроки прошли мимо сознания, хорошо, что от Юстины ничего не потребовалось. Догадливый Сашка то и дело тыкал в спину линейкой – не давал уснуть и сползти под стол.

Плотный обед в «Перекрестье» доконал окончательно. После еды незаметно подкралась на мягких лапах апатия. Мысли шевелились вялыми гусеницами, ни одна не желала додумываться до конца, в глаза будто насыпали песку. Голоса подруг доносились словно сквозь вату, смысл сказанного то и дело терялся. Тянуло прилечь прямо здесь, на диванчике, и позволить измученному сознанию отключиться. Неугомонная Шоста тормошила ее вот уже двадцать минут:

– Юсь, если засыпаешь – давай домой!

– Я не сплю!

– Тогда соберись! Мы не можем вот так просто взять и сдать!

– Что ты предлагаешь? Не осталось ни малейшей зацепки, она даже прощальной записки не написала. Просто испугалась чего-то или кого-то и сбежала.

– Скорее всего, на то были причины. Через две недели придет почта с Глории. Может, что и прояснится. Вопрос в другом, действительно твоя мама ушла в Портал или нет? И если да, то как ей это удалось без денег? И вообще, ты, скажем, подумала, вдруг опасность угрожала не только ей?

– А кому? – тупо спросила Юстина, закрыла глаза и покачнулась.

Шоста немедленно пихнула ее в бок и потребовала:

– Ань, ей зеленого чая. Литр. Внутривенно.

Смехнянка отправилась на добычу, а Шоста продолжила истязание:

– Кому угодно, но в первую очередь тебе и дяде Андрею.

– Угу, – равнодушно кивнула Юстина. – И?

– Для начала необходимо разобраться, что случилось и почему.

– Как разобраться?

– Пока не знаю. Давай вспоминай все необычное за последние недели.

– Да не было ничего необычного, – устало вздохнула Юстина. – Мама ходила на работу, возвращалась вовремя. Никаких подозрительных звонков и гостей. Нервничала немного, но это с ней часто случается. Разве что наладонник в понедельник дома забыла, да в последний день...

– Что? – жадно спросила Камиля.

– Когда стало известно про квартиру, мама сказала, что раз появились лишние деньги, надо обзавестись вертолетом и куда-нибудь слетать.

– Куда-нибудь?

– На остров, где она родилась. Знаешь, странно, мама редко ударяется в воспоминания, а тут на нее словно что-то нашло. Рассказывала, как они с ребятами на завод бегали в щелочку подсматривать.

– Это о каком-то заводе речь?

– О глорианском.

– Вот оно как. А он отчего-то впервые за много лет временно закрыт.

– Угу.

– Занятное совпадение.

– Девочки! – глаза у Ани стали еще больше, чем обычно. – Девочки, а ведь она на этот завод по дороге к зиккурату заглядывала. Помните, Мишка сказал, она на юго-восток сперва полетела!

– Точно!

– Идем туда?

– Опять одни за город?! Нет уж, хватит с меня! Не забыли, наш «Бу» до сих пор где-то шастает? К тому же, поправьте меня, если я неправа. На этот раз отец точно оторвет Юстке голову.

– Ну, можно дядю Андрея с собой захватить, – неуверенно предложила Смехнянка.

– Замучает советами!

– Зато с ним не так страшно. Давай, звони!

Юстина вздохнула и потянулась за наладонником.

– Па-ап...

– Чего тебе?

– Нужна твоя помощь.

– Что такое?

– Мы хотим прогуляться на завод.

– Это на который? – насторожился отец.

– Ну, тот, что временно закрыт.

– Глорианский? С чего бы вдруг?

– Мама о нем упоминала в последний день.
– Вот даже как. Что ж, в таком случае и правда стоит наведаться.
– Пап? Ты знаешь что-то такое, о чем не знаю я?
– Сложно сказать. Просто перед отлетом Варвара позвонила и внезапно заговорила про то, как мы с ней познакомились. Как раз там. Она об этом не вспоминала... сколько же? Лет десять, наверно. А тут два раза за день. Выглядит подозрительно.
– Вы вместе бегали подсматривать?
– Не совсем, – отец замялся.
– Если все именно так, нам просто необходимо там побывать!
– Необходимо. Только не нам, а мне. Ваша отчаянная лягушачья команда на этот раз остается дома. Возле завода может быть опасно.
– Мы с тобой!
– Нет, я сказал!
– Ни фига! – запальчиво выкрикнула Юстина. Чай, наконец, подействовал, и она ощутила себя бодрой и готовой к свершениям. – Не возмешь с собой – пойдем сами, одни.
Отец закатил глаза и процедил сквозь зубы: «Что за комиссия, создатель...»
– Ну, па-ап!
Родитель молчал с минуту, меряя дочь недовольным взглядом. Наконец, сдаваясь, с чувством произнес:
– Ну, вы и поганки!
– Отправляемся завтра прямо с утра? Чтобы успеть вернуться? А то идти дольше, чем до зиккурата.
– Щас! Разбежались, школу прогуливать. Обедали?
– Да.
– Значит, встречаемся через полчаса у дома бабы Риммы.
– Мы что, полетим?!
– Догадливая.
– Класс!

19

– Это здесь? Здесь? Где именно? – нетерпеливо вертелись девчонки.
– Забор вдалеке, видите? Нам туда. Только пока побудьте в кабине, а я отлучусь ненадолго.
– Зачем? Куда?
Поищу одного человека. Вернусь через... – отец мельком глянул на наладонник, что-то прикинул, – минут через двадцать. Сидеть тихо, дверь не открывать. Ослушаетесь – пеняйте на себя.

Без отца в вертолете стало как-то неуютно и страшновато. После оглушительного полета звенящая тишина снаружи казалась странно зловещей. Юстина отодвинулась подальше от рычагов, кнопок и приборов, маятно вздохнула.

– Вот куда его понесло? Что за «один человек»? Юсть, не знаешь? – Камиля поерзала, устраиваясь удобнее. – Черт, ноги-то как затекли!

– Понятия не имею.

– Откуда тут людям взяться? – Смехнянка удивленно покачала головой, – лес вокруг.

В дверцу снаружи шумно поскреблись. Чуть слышно заскулили и поскреблись снова. Аня тотчас прижалась носом к выгнутому стеклу. С полминуты вглядывалась, наконец разочарованно вздохнула:

– Не видно.

– И хорошо, что не видно, – сурово откликнулась Шоста.

– Чего хорошего? Интересно же! Эй, кто там? – почему-то шепотом позвала Аня.

Секунду стояла напряженная тишина, затем с той стороны вертикально вверх бесшумно взвилась мохнатая палево-серебристая тень. Рухнула вниз, исчезла из поля зрения и взвилась снова, чуть ближе. Волк. С какой-то непонятной штуковины на шее – будто змея обвилась. Подпрыгнув дважды незванный гость исчез... но буквально через пару секунд к фонарю кабины, прямо напротив Камили, приникла любопытная морда со стоящими торчком ушами. Девочка от неожиданности отпрянула и вскрикнула в сердцах:

– Да что ж это такое?! Что мы, медом намазаны?

Волк наклонил лобастую голову, и Юстине показалось, что он улыбается во всю пасть.

– А ну, геть отседова!!! – раздался снаружи, от хвоста вертолета, низкий женский голос.

Повернувшись, зверь напряженно застыл, и вдруг из странной гнутой штуки у него на шее зачастило скороговоркой:

– А я че? Я ниче. Баб Яг, я ж ниче. Я посмотреть тока.

Ломкий, мальчишеский басок удивительно подходил проказливо ухмыляющейся морде.

– Геть, я сказала! – чуть менее строго скомандовал тот же, совершенно незнакомый голос.

– Ну, баб Яг!

– Садко! Не стану больше от зайцев защищать!

Лобастая башка мгновенно исчезла.

– Внутри твои красавицы? – поинтересовалась таинственная «баб Яг».

– Надеюсь, – отозвался голос отца. В нем явственно звучали нотки сомнения.

Юстина распахнула дверцу. Обладательница звучного контральто оказалась скрюченной, тщедушной старушкой в мешковатой куртке и длинной вязаной юбке. Нос, точно клюв ястреба, задубевшая, покрытая шрамами кожа, совершенно седые косы до пояса, фенечки из бисера и перьев. «Действительно, вылитая баба Яга. Или лесовица». Волк путался у незнакомки под ногами и умильно задира морду. Ластился. Походя потрепав его по густошерстному загривку, старушка добродушно проворчала:

– Садок, не подлизывайся.

– Баб Яг, останусь? Ну останусь же?

– Ладно. Только тихо мне.

Отец наблюдал за происходящим с усмешкой:

– Что, Садко, дочку мою слопать хотел?

– Да не хотел я! Че сразу-то?!

– Ну-ну. Знакомьтесь, девицы. Это Ядвига Болеславовна, биолог, специалист по мутациям, лингвист, психолог. Мой учитель. А это Садко. Говорящий волк.

– Ядвига Болеславовна, это вы маму спасли? – неуверенно предположила Юстина. – Она рассказывала...

– Вроде того, – не стала отпираться лесовица. – Только не надо так длинно, язык сломаешь. Просто Ядвига.

– А что это у него на шее? – встряла Аня.

– Транслятор. Переводчик, если хочешь.

– А ему не больно?

– Не, мне не больно, – волк припал на передние лапы и похвостил.

– А откуда такая штука?

– Оттуда, – старушка как ни в чем не бывало указала скрюченным пальцем на завод. – Подарок. Биотехнологии братьев по разуму.

– Они же ничем не делятся, – ахнула Аня. – Никогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.